

Екатерина Галиева

Берегиня Чёрной Поляны

Екатерина Эдуардовна Галиева Берегиня Чёрной Поляны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55895294

SelfPub; 2020

Аннотация

"Любовь нечаянно нагрянет" и перевернет жизнь в Чёрной Поляне. Смогут ли быть вместе Кот в сапогах и прекрасная водяная дева? "Глупый вопрос. Конечно, нет", – ответит тот, кто не помнит, как сильно и властно в нашем сердце пускает корни росток первой любви. Для Чернушкинской Берегини словно Устав не писан. Майя всеми силами стремится быть рядом с Хранителем, нарушая все правила и законы равновесия между Явью и Навью. Не поссорит ли это Владыку Донного и семейство Ижевских? Не воспользуются ли моментом злые силы и случайные проходимцы? Все это и многое другое ты, любезный читатель, узнаешь из этой истории. На страницах книги ты встретишься вновь с работающими усадебными духами, кокетливой Бьянкой, таинственной Бабой Ягой. И, конечно, никак здесь не обойдётся без Лёшки с Никитой. "Берегиня Чёрной Поляны" – это продолжение сказки "Хранитель Чёрной Поляны", которая стала победителем в спецноминации "Выбор читателей LiveLib" Литературной премии "Электронная буква" в 2019 году.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Изнанка	5
Глава 2	14
Изнанка	14
Реальность	15
Глава 3	27
Изнанка	27
Глава 4	45
Изнанка	45
Реальность	49
Глава 5	58
Изнанка	58
Глава 6	73
Изнанка.	73
Глава 7	91
Реальность	91
Глава 8	111
Изнанка	111
Глава 9	122
Изнанка	122
Реальность	124
Глава 10	135

Изнанка	135
Реальность	139
Глава 11	150
Изнанка	150
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Часть 1

Глава 1

Изнанка

Волны с легким шорохом подкрадывались к самым её ногам. Они мягко и настойчиво звали поиграть, завлекали какими-то своими чудесами и секретами, раз за разом раскладывая на песке новый пасьянс из ракушек и камешков. Но она словно не видела и не слышала ничего. Обхватив руками колени, берегиня¹ сидела, пристально вглядываясь в заросший иглицей и можжевельником склон. Майя ждала. Ожидание длилось уже без малого сорок дней. До последней зари оставалось всего два часа. Дальнейшие попытки призвать Хранительницу кладов земных грозили бы и берегине, да и самому бережку неизбежным наказанием. А совет этой умудренной жизнью старухи ой как сильно сейчас был Майе нужен.

Девушка вздохнула и поправила соскользнувший с плеча тёплый плащ – гиматион по-здешнему. В доме тётушки Ме-

¹ Берегини – в славянской мифологии добрые водные духи, в облике женщин.

люзины почему-то принято было называть многие вещи по-гречески. Отчего так случилось Майя не особо интересовалась. Просто приняла как должное, что круглая корзинка для хлеба называется канун, черпак для воды – киаф, табуретка – дифрос, а венок – стефанос. Да и какая ей собственно разница, что и как называть. Пролетят дни учёбы, и вернётся она домой, и опять станет корзинка просто корзинкой, ну лукошком может быть и туеском. Что, собственно, тоже для водяницы большого значения не имело. А имело значение лишь одно: страстно, всей душой, всем своим существом берегиня хотела быть дома в Чёрной Поляне, среди заснеженных берегов закованной в ледяной панцирь Чернушки.

Вот только всякий раз, когда подходило время сдачи выпускного экзамена, Мелюзина сообщала о внезапном изменении условий задачи. Водяные девы вносили поправки в свои расчёты, перетряхивали бисер заклинаний в многоярусных связках слов и, как правило, не успевали в отведённое время. Кара-дагская змея насмешливо изумлялась и, гордо вскинув голову, уползала в свое логово, так и не дослушав до конца своих подопечных. Водяницы злились, шипели ей вслед и начинали заново выстраивать сложное витиеватое морское колдовство. С каждым разом оно складывалось у Майи всё быстрее и быстрее, руки уже словно сами собой летали выводя узоры пентаграмм, многоярусная пирамида заклинаний до болезненной точности запечатлелась в сознании и математические исчисления по ней проносились в го-

лове словно сделанные кем-то другим, а не хозяйкой этой самой головы. Но и в следующий лунный цикл Майя вновь оказывалась в числе тех девиц, чей отъезд домой откладывался до другого раза.

– Для чего вообще дедушке вздумалось обучать нас этой морской премудрости! – негодовала она. – У нас в лесу и воды-то солёной днём с огнём не сыскать, а туда же – специалисты, видите ли, нужны широкого профиля! В ногу со временем надо идти. Мы же просвещённое государство! Тьфу ты, Господи!

Влада и Ника, ещё две жертвы просвещения, застрявшие на полгода в подводных Кара-дагских пещерах, сочувственно кивали и пытались успокоить подружку.

– Вот увидишь, Майечка, в другой раз у нас всё получится. Мы закончим вовремя и поедем домой.

– Не переживай так, всё у нас в Чернушке в порядке... И на берегу тоже...

Но вещун-сердце говорило Майе, что не всё в порядке. Что негоже девице, пусть и красавице, своего суженного так надолго одного оставлять. Мало ли охотниц до чужого найдётся... Вот и надумала она у пра-прабабки своего любимого совета спросить. Благо совсем рядом гора Кошка имелась – место силы прародительницы всех Хранителей порядка в мире Яви и Нави². Сколько не пытались Влада с Никой её

² Древние славяне верили в существование трёх миров: Яви – мира людей, Нави- мира духов и Прави – мира богов. Для сохранения мира и порядка в отно-

отговорить, всё равно Майя по-своему сделала.

– Нет у меня больше сил терпеть это пещерное заточение. Не хотите помогать и не надо. Я сама все сделаю. Через месяц дома буду.

Сговорилась с местными моревнами³ и составила порталный перенос прямо к морде громады каменной. С той поры каждую ночь отправлялась она к берегу моря, заклинала и молила Земляную Кошку явиться. Но не отзывался дух земли, и надежды берегини таяли словно дым.

– Дым... А ведь правда словно дымом потянуло. Добрый знак. – Берегиня распрямила спину и подвинулась чуть ближе к валуну, у подножия которого разложила подношения на плоском камне и запела предрассветную песню.

Мелодия протяжно и тоскливо выписывала в морозном воздухе узоры заклятья. Дыхание срывалось с бледных русалочьих губ, превращалось в снежинки и оседало на серый суконный плащ, на тонкие кисти рук, сжатые в кулачки под грудью, на косу и тонкий завиток, выбившийся из косы над ухом, на песок, и на стылые камни, что никак не собирались становиться кошкой.

Берегиня приходила сюда уже сорок раз и сорок раз обращалась она с призывом, но гора молчала. Не хотела появ-

шениях между жителями Яви и Нави, Боги одарили кошек особым свойством – умением жить в обоих мирах. Старшей среди Хранителей, считают Земляную Кошку. Этот горный дух описывается в сказах Бажова, а он в свою очередь узнал о существовании Кошки от уральских горнодобытчиков.

³ Моревны – морские водяные духи женского пола.

ляться покровительница горняков у берега моря.

Берегиня распечатала последний пузырёк с маслом оливы и плеснула на щербатый камень в центре пентаграммы. Уколола палец на левой руке и начертала по расплывшейся лужице водяной знак.

– Явись, Матушка всех духов земных, Владычица недр и хранительница жил рудных. Призываю тебя со всем смирением и покаянием, – шептала она, наблюдая как камень словно губка впитывает в себя масло. Вот уже и следа не осталось от тёмной лужицы.

В наступившей тишине над раздвоенной вершиной горы появилось холодное мерцание. Оно разгоралось медленно и неуклонно, пока не поднялось высокими чуть колышущимися языками пламени метра на три над грядой. Берегиня вскочила на ноги. С трепетом и восторгом она вглядывалась в оживающие скалы.

– Мряу, – раздалось откуда-то справа. Майя вздрогнула и оглянулась. Метрах в трёх от неё сидела рыжая пушистая кошка. Она придирчиво разглядывала девушку синими, пронзительными глазами, такими яркими, что казалось будто, они светятся сами собой.

Мряу, – повторила кошка и обвила лапки хвостом. – Что ты мне принесла, водяница? Рыбки или молока морских коров?

Майя легкой тенью скользнула к камню, где был устроен ритуальный алтарь и подхватила с треноги пинакион с ку-

сочками запечённой камбалы и кефали. В углублении блюда маслянисто поблескивала в свете раннего зимнего утра лужицапряного соуса. Кошка принюхалась, спрыгнула на песок и басовито урча направилась к склонившейся в поклоне берегине. Майя опустилась на колени, отточенным круговым движением укрепила пинакион на песке и достала из-за пояса другое блюдо и бутылочку зелёного стекла.

Кошка неспеша принюхалась и искоса взглянула на девушку.

– Ну и что же ты от меня хочешь? – промурлыкала она.

– Помоги мне, Государыня Кошка, – начала чуть слышно берегиня, – Я уже полгода как в ученье к морским фейри⁴ отдана. Дедушка Водяной говорил, что за пару месяцев мы всю науку их освоим и домой вернёмся. Но Мадам Мелюзина не желает принимать наш экзамен. Всякий раз придумывает или новые условия задачи, или время на работу сокращает. Не отпустит она нас домой так просто, а меня в Чернушке парень ждёт.

Майя осеклась и замолчала. Непослушными, замёрзшими руками она принялась распутывать обвязку на залитом сургучом горлышке бутылки. Туго скрученная нить поддавалась с трудом. Но водяница даже обрадовалась этому, склонилась к ней пониже, чтобы Кошка не увидела пылающих

⁴ Фейри – в кельтском и германском фольклоре существо, обладающее необъяснимыми, сверхъестественными способностями, ведущее скрытый образ жизни.

словно маков цвет девичьих щёк. Наконец по воздуху разлился аромат лесного зелья. Так пахнет летом у ручья багульником и мятой, земляникой, иван-чаем и ещё чем-то не весть чем, но таким родным... Берегинька закусила губы, чтоб не разреветься от тоски по дому и, наполнив блюдо, пододвинула его кошке.

– Угощайся, Государыня Кошка. Это я с собою привезла. Ты попробуй. Вкусно, очень. – берегиня снова замолчала.

Не спешила говорить и Кошка. Только кончик хвостика подёргивался недовольно, да подрагивали ушки нет-нет.

«Не поможет, – обмерла совсем берегиня, – не подскажет, как мне из беды моей выпутаться». И горячие слёзы полились из её глаз.

– Полно сырость разводить, – проворчала Кошка, – Набралась смелости ко мне за советом прийти, имей смелость и услышать его.

Берегиня смахнула слёзы рукавом, подобралась вся. А кошка, словно и не видя её усердия приступила к трапезе. И нисколько не смушал Хозяйку кладов земных подкрадывающийся рассвет, и не отвлекали её разыгравшиеся на море волны. Знай себе уписывала рыбку за рыбой и пока не вылизала пинакион дочиста не успокоилась. Сыто потянувшись, подошла к поставленному поодаль блюду с зельем. Обмакнула усы, зажмурилась и запела, замурлыкала. Потом словно с сожалением большим взглянула на девушку и вдохнув сказала.

– Вкусны подношения твои и приятны, но сказать, по правде, я тебе в делах твоих не помощница. Если всё как ты сказала, так и есть, то быть тебе в учении ровно столько, сколько Мелюзина решит. Раньше ты освободиться не сумеешь. Даже если убежишь, то найдут и назад доставят. Ну, а если дело не в учёбе, а в сердечных делах, то тут и вовсе я не специалист. Это ведь по вашей, водяной, части зелья всякие приворотные. Или ты чего-то мне ещё не рассказала?

– Только то, что мой любимый Вам пра-правнуком приходится, не из духов он, а из Хранителей. От того должно быть дедушка и решил нас разлучить. Вот я и подумала, что может быть какой-то способ... Может знаешь ты как можно из водяниц в домовые перекинуться...

Кошка закатила глаза.

– Сказок ты наслушалась, девонька. Это тебе к господину Андерсену нужно, а не ко мне. Да и отчего решила ты, что, если станешь домовою шишиморой⁵, твой дружок тебя по-прежнему любить будет?

– Я не знаю, что там будет, а чего не будет, но вдали от него жить я не смогу, да и не хочу. Помоги мне, Государыня Кошка.

Кошка наклонилась над блюдцем и лизнула зелье.

– Ладно, помогу. Только стоять это будет тебе недёшево, –

⁵ Шишимора – женский усадебный дух, в облике растрёпанной маленькой старушки. Как и все усадебные духи, может быть доброй или злой в зависимости от того, как ведёт себя хозяин усадьбы (частного дома).

наконец сказала она. – Ты сейчас домой ступай. Рассвело уже. Хватятся тебя скоро, в другой раз не выпустят, стеречь будут. Попытайся ещё раз экзамен Мелюзины сдать, ну а коли не сумеешь, то сожги над свечкой листок ладанника, что в расщелине у лап моих растёт. Я пойму и выполню твоё желание. Через месяц как сожжёшь, будешь в доме жить, котову шерсть ворошить. Только помни, что назад дороги нет. Потеряешь ты и красу свою девичью, и походку легкую. Будешь к дому тому привязана, а чуть уйдёшь за порог вовсе сил лишишься. Думай, девица, крепко думай. Стоит ли оно того или нет.

Синие кошачьи глазки ещё мерцали на фоне склона, а самой кошки, как и не было вовсе. И когда пропасть успела... Вроде только что тут была мятую настойку лакала... Бергиня собрала посуду, свечи. Замела песком рисунок на камне. И пошла к расщелине, на которую ей Земляная Кошка указала. Там и впрямь разросся куст вечнозелёного ладанника. Майя отломил веточку с тремя листочками и сунула на дно корзинки. До очередного экзамена у Мелюзины было ещё семнадцать дней.

«Кто его знает, может и правда ещё сдам сама и домой уеду, – усмехнулась Майя и пошла назад к прибою. Ветер крепчал. Море вздыбилось, ощетинилось недобро чередой лохматых, пенных волн. Словно бы, и впрямь разгневались морские духи и грозили неразумной берегиньке наказанием.

Глава 2

Изнанка

В пансионе⁶ её встретили не ласково.

– Где ты пропадала, Маечка, сестрица! Ты хоть знаешь сколько времени сейчас? Мы уже и на рассветную сходили и зарядку сделали. – Влада с Никой попятам ходили за подружкой, пока та снимала плащ, разбирала киот, мыла блюдо из-под рыбы. – Мелюзина тебя трижды уже спрашивала. Мы, конечно, как сговаривались отвечали. Только вряд ли она нам поверила про болезни твои...

Майя распустила косу и присела к зеркалу. Девчонки рядышком пристроились. В мутной дымке полированного диска отражались три хрупкие фигурки.

– У нас дома даже в лужице, замерзшей лучше видно себя, – мелькнула горькая мыслишка у Майи.

– Может хватит уже дурить, Маечка? – зашептала ей на ушко Влада, – Не буди лихо...

Майя передёрнула плечами и с ожесточением принялась чесать расческой волосы.

– Перестань, сестрица, полно злиться. Мы тебе добра же-

⁶ Пансион – (фр. pension, от лат. pensio – платеж, взнос, арендная или квартирная плата) – учебное заведение закрытого типа, с полным содержанием.

лаем. – Ника поднялась и встала рядом, – Хоть скажи, что не напрасно вдали. Получила ты чего хотела? Ты довольна?

– Не довольна. Не поможет Земляная Кошка. Говорит в очередной раз нам опять экзамен сдавать надо. Не подсказки никакой, ни помощи от неё нам ждать не приходится.

– Ну и ладно! Обойдемся. Сами справимся. Одевайся поживей. Скоро к завтраку звонить будут. – Ника бросилась к открытым сундукам, где одежда берегинек хранилась. Выбрала рубашку, юбку и зеленый с серебристыми чешуйками по краю форменный корсаж. Девушки едва успели обрядить подружку по Уставу, как раздался звон обеденного колокола. Всем воспитанницам пансиона благородных девиц водяного происхождения надлежало быть в трапезионе⁷ на завтраке. Оглядев друг друга напоследок и расправив складочки на длиннохвостых юбках, берегини выскользнули в коридор.

Лишь исчезли девушки за поворотом, мелкий камешек у двери покачнулся, выпустил наружу шесть пар тонких ножек и засеменил бочком в другую сторону.

Реальность

Это ерунду болтают будто в деревне зимой жизнь замирает. Городские думают, что, если ни пахать, ни сеять нельзя, так у нас других дел нет кроме как на печке лежать и сбоку на бок перекатываться. У нас в усадьбе дел полно. Дедушка

⁷ Трапезион – стол в Древней Греции. В данном случае – столовая.

с бабушкой весь день в делах, да и я не отстаю. И за домом надо следить и за скотиной, и за птицей. А теперь ещё и за лесным зверьём приглядывать приходится. Кормушки лосиные пополнять, заячьи следы распутывать. Дедушка-то наш, Егор Гаврилович, с прошлого лета стройкой занят.

Как купила Василина Егоровна землю за Ольховкой, так забот у нас вдвое, а то и втрое больше стало. Она, правда городских подрядчиков хотела нанять, но Егор Гаврилович воспротивился: «Не за чем в дела наши посторонних людей путать. Сами всё отстроим, по старинке, как деды делали. Соберу артель и до весны мельницу поставим и амбары, а как первое зерно смелем, там и вовсе всё само собой пойдёт – мельничные духи помогут».

Сказать-то сказал, а вот шутка ли по старинке мельницу поставить. Вот и ездит туда почти каждый день, колдует. Я было хотел ему помочь, подсобить по этой части, по волшебной. Так он усы встопорщил, глаза вытаращил и давай орать, словно это он, а не я кот. «Сиди – говорит – дома, пошатун рыжий! Без тебя проблем хватает!»

Я, конечно, же обиделся, но вида не подал. Вернулся к себе на зимнюю лежанку у печки. Да если бы не я, проблем у Вас, Егор Гаврилович, куда как больше было. В лесу зимой без лесника таких дел наворотить могут, что потом пять лет расхлёбывать будешь. Каждый так и норовит себе погуще ёлочку на праздники срубить. А охотники, а браконьеры, да и просто лыжники в лесу нашем – это же сплошной

кошмар. Если не они, так их уж точно кто-нибудь погубит. В прошлом-то году я сам ещё молоденький был, многого не замечал. А сейчас-то мне почти два года. По людским меркам все двадцать четыре весной будет. Кот, так сказать, в полном расцвете сил. И меня так просто теперь не обманешь. Я недоброе за три версты чую. Как в Изнанку ухожу, так ползаповедника за раз пробегаю. Вижу и ловушки Лешего, и полыньи Водяниц на речке. Даже у Лесавок⁸ зимой проказы куда опаснее, чем летние. Летом, если заведут они туристов в чащу, тем, конечно, поплутать придётся порядочно, а зимой другое дело – тут и замёрзнуть не долго. И болото наше опять же. Топь под снегом не видна совсем, забредёшь случайно, и кикимор в лесу прибавится. А мне и одной болотницы вполне достаточно.

Так что лёг я на думочку, свернулся клубочком и принялся денёчки наши летние вспоминать. Как ходили мы на речку с берегинями играть, песни петь, как на тёплом солнечном лугу с Алёшкой и Никитой играли, за грибами и за ягодами в лес бегали. Хорошо нам было летом. А потом разъехались мои друзья. Василина Егоровна увезла мальчишек в город, Водяной Дедушка⁹ девчонок в пансион морской какой-то на учёбу отправил. И остался я один при дедушке и бабушке.

⁸ Лесавки – в славянской мифологии мелкие лесные бесята, похожие на ежей. Дети лешего и кикиморы.

⁹ Водяной Дедушка, он же: Владыко Донный, Донник, Хозяин реки – главный водяной дух древних славян.

Нет, конечно, дядьки-то мои никуда не делись. Все на месте, но они же старые усадебные духи, с ними и поговорить особливо не о чем.

Я вздохнул и повернулся на другой бок. Спать не хотелось, но и вставать я не спешил. До обеда было ещё далеко. Бабушка возилась на кухне. Крупу перебирала. Домовой¹⁰ помогал ей. В доме было тихо и тепло. В уголке уютно тикали старинные напольные часы, которые перед отъездом в город Василина Егоровна уговорила меня вниз с моей половины чердака спустить. Дескать здесь, внизу, они сохраннее будут, не отсыреют, не отстанут. Да если б не я, Ижевские и не вспомнили, что у них такая красота, от прадеда оставшаяся, под крышей дома пылится. Я опять вздохнул и потянулся. Вытянул одну лапу, другую. Поднялся, выгнул спинку горбом. Потоптался, кровь по лапам разгоняя, и присел, чтоб привести в порядок шевелюру. Из угла послышался чуть слышный шорох и писк. Мышка? Я прислушался. Как есть мышка! Вот ведь наглая, куда забралась! Ладно если б в хлев или курятник, но в дом! Мой охотничий инстинкт разыграл. Я припал к самому полу и принялся выслеживать добычу. Серенький мышонок выскочил из щели под плинтусом и побежал наискосок через комнату к дверям в сени. Я метнулся следом и одним прыжком сцапал нелегала. Мышка запищала, забилась под лапками. Но я не спешил её кромсать и рвать

¹⁰ Домовой, Кормилец – главный усадебный дух, самый дружелюбный по отношению к людям.

когтями, и она притихла.

– Ну и что мне с тобой делать, – замурлыкал я.

– Отпусти меня, я буду скромной и почтительной мышкой. Вот увидишь, я не буду воровать хлебных корок и остатки каши в твоей миске, – обещала мне всем своим видом мышка. Говорить она, конечно, не умела, ведь она была самой обычной мышкой, но язык тела был достаточно понятен. Я решил не брать грех на душу и опускаться до банального убийства.

– Мьяауу! Мьяу! – я позвал бабушку.

Мария Дмитриевна откликнулась не сразу.

– Ох, ты, Боже мой! – всплеснула она руками, – Мышей нам только не хватало! Давай-ка, Васенька, души её скорей, заразу серую.

И баба Маня поспешила к углу под лесенкой в светёлку. Там она вооружилась веником, совком и встала, словно бравый солдат наизготовку, дабы с почестями проводить придуренную мной мышь в последний путь. Мне стало смешно, и я слегка ослабил хватку. Мышка встрепенулась, выскользнула из моих когтей и бросилась в кухню. Я за ней. Схватил, подбросил лапкой, придавил, и опять глянул на бабушку. Мария Дмитриевна стояла, пригнувшись, выставив перед собой совок и веник. У мышки явно не было ни одного шанса на побег.

– Хватит уже над живностью измываться. Всякая тварь земная и жить, и есть хочет, а ты её мучаешь. – Дядька при-

топал ко мне и заглянул в глаза, – И не стыдно тебе, племянничек?

Стыдно мне не было. Но играть с мышкой расхотелось. Я аккуратно подхватил её за загривок и, подёргивая хвостом, понёс к входной двери. Баба Маня тут же распахнула её передо мной. В ноздри ударил свежий, морозный февральский воздух. Несколько мгновений я шурился, привыкая к ослепительному сиянию солнца и снега, потом не спеша понёс свою добычу к повети.

– Вот и правильно, Вась, вот и правильно, неси её подальше, – слышался у меня за спиной голос бабушки. Она вышла на крылечко следом за мной, обмела снежок, припорошивший за ночь ступеньки, и вернулась в дом.

У стены курятника возился второй мой дядька. Он был много моложе Домового, крепче, выше ростом, но такой же лохматый и усатый, как и все они – усадебные духи. Овинник¹¹ обернулся ко мне и коротко кивнул. У него в эту зиму тоже дел по хозяйству прибавилось. Раньше он лишь за живностью нашей приглядывал, чтоб здоровы да веселы были. А теперь-то и стойла чистит, и корма подсыпает, а то и дорожки во дворе почистит порой.

– День добрый, дядюшка, – промурлыкал я, опуская мышонка на снег.

– И тебе, племянничек, – отозвался он, не отрываясь от

¹¹ Овинник(славянской мифологии) – один из духов, живущий в усадьбе, ведет над всеми хозяйственными постройками.

работы. Сильные когтистые пальцы забивали в щель под стареньким наличником на оконце курятника солому.

– Глянь, что я тебе принёс.

Он обернулся. Мышка, приоткрыв глазки-бусинки, сидела у моих лап и поводила усиками из стороны в сторону. Видать решала в каком направлении ей теперь ловчее бежать. Дядька хмыкнул в бороду, склонился к серой плутовке и протянул широкую, словно лопата ладонь. Мышка пискнула, подпрыгнула на месте и нырнула ему прямо в рукав. Дядька зашёлся дробным сухим смехом, тряхнул слегка рукой и на ладонь ему выкатился серый маленький клубочек.

– Ну и что ты прячешься? – спросил он у мышки, поднося её к глазам, – Чего юлишь, проказница? Твоё место где?

Мышка снова пискнула чуть слышно и потянулась носиком к лицу дворового духа.

– То-то же. Нечего по дому шнырять. Получила сполна, теперь сиди тихо. Так-то вот, плутишка, – подвел итог воспитательной беседы Овинник и аккуратно спрятал мышку за пазуху. Потом прищурился, взглянув на чистое безоблачное небо.

– Эк как солнце жарит, до масленой недели уж совсем недолго осталось. Слышь, Базиль, блинками скоро полакомимся. Заслужили чай... – то ли спросил, то ли сообщил он мне. Я повёл ушами. Против блинов я ничего не имел, но кто их, хозяев, знает. Может и на этот праздник у Егора Гавриловича дел невпроворот будет. С Новым годом-то оно вон

как вышло. Вроде и ёлку из лесу принесли и гостей созвать хотели, а потом из города как поехали с проверками то одни, то другие по нашу душу. Все нервы истрепали своими придирами.

Посидев, ещё немного у повети, я пошёл к реке. Чернушка в эту зиму казалась мне какой-то сиротливой. Всякий раз, когда я приходил на берег, что в Изнанке, что в Реальности меня охватывало чувство безысходной тоски. Нет больше на этом свете моего дружка Анчутки. Далеко-далеко, за лесами, за полями, за высокими горами берегини в школе учатся. Да ни какой-нибудь, а заморской. Вот и тихо теперь в нашей заводи. Даже камыши вокруг не шевелятся.

Я вздохнул, глядя сверху на закованную в лёд ленту реки под крутым бережком. Отсюда, из-за баньки летом к заводи вела тропка. По ней мы с Лёшкой и Никитой наперегонки сбегали к мосткам. Мальчишки ныряли в тихую, чистую воду, а я устраивался на нагретых солнцем досках и звал берегинь. Некого мне больше звать. Один одинёшенек я на хуторе остался. Как есть один. Даже Трезор теперь не с нами живет. Его дед Егор на стройку отвёз. Сказал, что там сторож нужней. А здесь и без пса караульшиков в достатке. Обидно как-то. Я опять вздохнул, осторожно спрыгнул с забора на сугроб и, распластавшись на пузе, заскользил по смёрзшему насту вниз. Почти у самого берега меня подбросило на кочке, и я со всего маху выкатился кубарем на лёд.

Снег набился мне в уши, залепил глаза, рот и нос. Я чих-

нул громко.

– Здравия желаю, господин Хранитель. Как Вам погода сегодня? – послышался откуда-то из-за плеча вкрадчивый голос.

Проморгавшись от снега, я осмотрелся. Из проруби у мостков высовывалась остроносая мордочка мелкого водяного беса. Анчутка¹² младший улыбался мне во всю свою зубастую пасть и был явно не прочь поболтать о чём-нибудь с большим начальником. Господин Хранитель, то есть я, принял вид достойный своему солидному положению и вежливо ответил.

– Погодка прекрасная. Что нового в угодьях водных? Как здоровье дедушки, Владыки Донного? Не скучает подо льдом?

– Не, у нас всё путём. Дедушка Водяной больше спит, конечно. Но когда проснётся, так весь день в делах проводит. Он же леснику вашему на стройке помогает.

Меня опять неприятно кольнуло в сердце. И он туда же. Всем Егор Гаврилович дело нашёл, но не мне. А чертёнок продолжал:

– Вчера вот скорость течения у мельницы замерили и рассчитали с поправкой на весеннее и летнее полноводье мощность колеса. Весь день возились. Знаешь, как это не просто сделать, когда река подо льдом.

¹² Анчутка – водяной чертёнок, бес. Крупные экземпляры этих водяных духов называют Анчиблами.

– А чего ж вы до весны не подождали? Тут всего ничего осталось.

– Ну не знаю, господин Хранитель. Старшим-то видней, что когда делать лучше. А как по мне, то лишь бы не бранились. А то ведь от безделья дедушка ой, какой вредный бывает. – Чертёнок почесал в затылке. – А вот Вы, господин Хранитель, как думаете, если я ненадолго от проруби уйду и разок, как Вы, с горки съеду, меня бранить не станут?

– Мне почём знать. Да только мы с твоим братцем редко наперёд думали про то, что станут нас ругать или нет, – фыркнул я и, подумав, добавил совсем тихо, – Покойным братцем.

А чертёнок уже карабкался наверх и через несколько секунд приплясывал, махал руками и крыльями, стоя на крутом, высоком берегу. Потом он обвил себя хвостом, подобрался в клубок и на пятой точке заскользил вниз, дико визжа и улюлюкая. Я посторонился, и облепленный снегом черный шар прокатился мимо меня почти до середины заводи. Анчутка вновь вскочил на ноги и понёсся к берегу.

– Классно! Здорово! – проорал он мне на бегу и уже через минуту вновь катился вниз с ещё большей скоростью. Когда он третий раз проскочил мимо меня, обдав снежной пылью, я услышал сквозь пронзительный визг и смех какой-то подозрительный треск. Закованная в зимнюю броню, Чернушка у меня под лапами зашевелилась, и из проруби плеснула вода. Анчутка стих. Я хотел было рвануть на берег, но не успел. Из

проруби, обламывая по краям тонкий лёд, выпросталась по локоть сначала одна толстенная рука, потом другая, за ними показалась включенная голова и наконец протиснулись дородные плечи и грудь хозяина всех рек и озёр Чёрной Поляны.

– Ну и кто тут так шумит? – зарокотал он, вращая вытаращенными глазами.

Анчутка вмиг исчез. Я расправил шерсть, приосанился.

– Добрый день, Дедушка Водяной, давно не виделись.

– Да уж давненько, Базиль, – буркнул он в ответ, – Как живёшь, Хранитель?

– Да по-всякому, – ответил я и подошёл поближе. – Есть ли новости от дочек Ваших? Как там они живут? Не тужат?

– Живут, дай Бог, каждому. Даринка вон со своим принцем уже почти всю Швеции объехала. Всё с роднёй знакомится. У них, у этих Некки¹³, в каждом озере жену наследника престола показать надо. И везде балы устраивают: песни, танцы.

– А другие как? Как Майя, Ника, Влада?

Водяной нахмурился.

– Ты, Базиль, про Майю лучше забудь. Не вернётся она домой, пока ты её ждёшь, – сказал он тихо. – Не к чему всё это ворошить. У неё своя дорога, у тебя – своя. Вместе вам не быть, и слово моё крепко.

Водяной взглянул мне прямо в глаза и вдруг заговорил

¹³ Некки – водяные в фольклоре германских народов.

торопливо, быстро, совсем не по-царски, словно боясь, что я его перебью, и он не успеет сказать мне что-то важное. Что-то такое, что давно из него просилось наружу, да всё никак не находило повода, чтоб вырваться. А я стоял у проруби, как дурак с отвисшей челюстью, и недоумевал, о чём же он говорит. О каких таких годах, о какой доле несчастной. Всё вдруг словно затуманилось вокруг, поблекло, потеряло запах и цвет.

– Подожди, Владыка Донный, – наконец промямлил я. – Я тебя чего-то не пойму. Ты о чём толкуешь?

Водяной опять нахмурился.

– Я о том, что негоже Хранителю на дочку царскую заглядывать. Ты, Базиль, прости, но разного вы рода – племени. Тебе жизни от силы двадцать лет отмеряно, а она почти бессмертная. У тебя ведь ни кола, ни двора, а она к покоям царским приучена. Не отдам я её за тебя, и не проси. Не хочу, чтоб потом локти кусала.

– Да я вроде и не сватался пока.

– Вот и не надо. Найди себе другую подружку, Базиль. А про Майю забудь. Хватит ей уж за тобой по берегам бегать и в глаза заглядывать. Ты ж ведь и не любишь её, верно?

Между нами на мгновенье воцарилась тишина. Долгое томительное мгновенье, за которое перед моими глазами пронеслась вся моя недолгая жизнь. Все наши песни у реки, танцы у костра, посиделки под луной и прочее, прочее.

Я вдохнул и, не оглядываясь, потрусил к берегу.

Глава 3

Изнанка

В трапезионе царила чопорная тишина. Классные дамы и менторы уже стояли во главе стола. Берегини, чуть дыша, проскользнули к своему классу и замерли в учтивых позах. Из учительских дверей показалась статная фигура директрисы. Мадам была рослой и довольно крепко сложенной. Милovidные в девичестве черты лица с годами заострились и преисполнились надменного высокомерия. Морская фейри шла, гордо расправив плечи и чуть покачивая бедрами, отчего длинный шлейф её юбки извивался подобно змее. Проходя между рядами воспитанниц, Мелюзина подмечала любую небрежность в их движениях или платье. Вышколенные моревны склонялись перед директрисой в почтительном поклоне ровно за три шага до её приближения. Делали они это с завидной грацией и изяществом. Чернушкинские водяные девы так же поспешили придать своим фигурам должный вид. Мелюзина, не мигая, смерила их взглядом и остановилась. Сердце бухало в груди Майи так, что, казалось, вот-вот вырвется наружу.

– Вам лучше, мадмуазель Майя? – тягуче растягивая слова, произнесла Мадам.

– Благодарю Вас, сударыня. Гораздо лучше. – Книксен берегини стал ещё глубже.

Мелюзина холодно кивнула и пошла дальше. Заняв своё место в центре учительского стола, директриса подала знак, и все воспитанницы, чуть шурша юбками, разошлись по залу к отведённым для них круглым столикам. Начался урок этикета. Тритоны¹⁴ в зелёной униформе подали первую перемену блюд. Дежурные дамы фланировали между рядами столов. Порой они останавливались, чтоб указать девицам на недостаточно изящные манеры или похвалить, если было за что.

Майя улыбнулась уголками губ трём моревнам, оказавшимся с ней сегодня за одним столом, и пожелала им приятной трапезы. С одной из них они ходили вместе на уроки живописи в свободное от других занятий время. Так что тема для разговора нашлась легко. Девушки, мило чирикавая, поклевали омлет, проглотили пару тостов с паштетом и выпили по чашечке чая. Завтрак был сегодня, что называется, континентальным и не требовал особого проворства в использовании вех этих вилочек и ложечек. Наконец, часы побили девять. Мелюзина поднялась из-за стола и огласила расписание занятий на день. По залу пробежал шум отодвигаемых стульев, шуршание юбок, и разговоры стали громче. Воспитанницы потянулись к выходу.

¹⁴ Тритон – в греческой мифологии морское существо с хвостом рыбы либо щупальцами осьминога вместо ног.

Майя попрощалась вежливо с моревнами и отошла к подружкам. Влада с Никой поджидали её возле двери в коридор. Выскользнув из тапезиона, девицы испустили дружный вздох.

– Господи, как же я хочу домой! – простонала Ника.

– Не могу больше видеть эти постные рожи вокруг. Мадмуазель Вероника, держите вилку легче, не стучите ей о край тарелки, – передразнила она одну из классных дам.

Девчонки прыснули от смеха в кулачки, но тут же вновь изобразили милые улыбки. В коридоре появился ментор¹⁵.

– Барышни из класса «Гамма», следуйте за мной, – провозгласил этот пузатый, важный тритон, развернулся и пошёл, не спеша перебирая щупальцами, по коридору влево. Воспитанницы группы «Гамма» пристраивались за ним и так же чинно важно проплывали по узорчатым плиткам коридора в направлении учебного класса. Затем вышли менторы группы «Альфа» и «Бетта». Эти были помоложе и не так напыщенны.

– Если повезёт и нам достанется Алексо, то я буду просто счастлива, – шепнула Влада Майе. Они переглянулись и понимающе кивнули друг другу. Алексо был и вправду душкой. Самый милый и улыбчивый из всех учителей, он держался с ученицами не то чтобы на равных, но всё же не так надменно и холодно как другие педагоги. Иногда с ним

¹⁵ Ментор – (устар.) руководитель, наставник. В древнегреческой мифологии воспитатель сына Одиссея Телемаха.

можно было поболтать о таком, что выходило за рамки скучной школьной программы. А ещё он учил танцам. Трижды в неделю все воспитанницы приходили в бальный зал и разучивали па сложной европейской бальной программы. Алекс был неизменно добр и терпелив, и уроки эти пролетали с ним почти незаметно. И ещё он единственный из менторов школы был о двух ногах, так как происходил из рода Финфлоков¹⁶. Но удача им не улыбнулась. Группа «Бетта», в которой числились Чернушкинские берегини, потянулась вслед за Ониксом, учителем словесности, а прекрасный Алекс отправился в бальный зал с «Альфой».

Кабинет художественной декламации, куда привёл их Оникс, располагался в верхнем ярусе дворца. Своды карстовой пещеры¹⁷, отведенной для него, поднимались высоко над гладью воды и ещё хранили следы сколотых огромных сталактитов. На первый взгляд, стены пещеры почти не подвергались обработке. Зодчие сохранили естественную текстуру камня, удалив и сравнив лишь те выступы и наросты, что мешали созданию идеальной акустики. Звук растекался по пещере, гулко вибрируя и проникая с самую глубину души. В

¹⁶ Финфолк – в фольклоре Оркнейских и Шетландских островов раса колдунов-амфибий, которая похищает людей.

¹⁷ Карстовые пещеры – подземные полости, сообщающиеся с земной поверхностью или замкнутые, образуются вследствие растворения некоторых горных пород водой. В них часто образуются сталактиты – натёчные минеральные образования (большой частью известковые), растущие в виде конусов, столбов со сводов пещеры и сталагмиты, поднимающиеся со дна.

центре возвышался островок метра три в диаметре, вокруг которого тут и там проглядывали наросты поменьше. Верхушки этих сталагмитовых образований были сбиты и отшлифованы, так чтобы водяницы всех размеров и видов могли найти себе место по росту.

Берегини отыскиали себе подходящий островок ближе к стенке и подальше от устроившегося в центре Оникса. «Поболтать вряд ли удастся, но хоть подремать незаметно было бы не плохо», – думала Майя, расправляя длинный шлейф на камне. Мерный плеск волн и стук капель с потолка навевал сон. Плотный завтрак и бессонная ночь тоже сказывались, и она невольно зевнула.

– Мадмуазель Майорика, подойдите ко мне, – тут же среагировал на посторонний звук ментор. – Вам сегодня предстоит открыть наши чтения. Надеюсь, Вы сумеете взять книгу.

Майя соскользнула с облюбованного камня в воду. Мысленно чертыхнувшись, окунулась в неё с головой и вынырнула уже возле ног учителя. Поднимаясь по чуть заметным ступенькам на учительскую кафедру, берегиня судорожно вспоминала, на чём остановилось чтение в последний раз. Первой ученице надлежало не только совершить телепортацию в библиотеку за учебником, но и открыть его на нужной странице так, словно всё это не составляло никакого труда.

– Сумерки сгустились над лесом, – начала с надеждой в голосе Майя. Судя по тому, что Оникс не одёрнул её, нача-

ла она правильно. – И всадники, и свора, утомлённые погодой, молчали. Молодой олень трёхлеток, на след которого сбились гончие возле ручья, был слабым утешением после целого дня охоты за диким вепрем.

Майя приосанилась, распрямила плечи и уже более уверенно продолжила чтение.

– За верхушками деревьев замелькали шпили замковых башен, слышались удары колокола, созывающего в храм на вечернюю молитву. Король Элинас пришпорил коня. Персина, вероятно, уже уложила спать девочек и готовится к ужину. Он любил свою жену и маленьких дочек. Тройняшки были милыми и очень смышлёнными. Как и мать, они пленяли всех кудряшками и тёмными глазами. Люзи и Мели вечно спорили из-за игрушек, Тина же, более робкая и покладистая, чаще сидела в уголке и мечтала о чём-то. Элинас улыбнулся этим мыслям и возблагодарил небеса за своё счастье.

Майя перелистнула страницу и посмотрела на ментора. Тот молчал, благодушно качая головой. Видимо время заниматься трактовкой текста ещё не подошло, и водяница вновь склонилась над книгой.

– В замке всадников встретила многочисленная челядь. Конюхи взяли на себя заботу о лошадях и собаках, слуги поднесли королю свежей воды и вина. Он спросил о королеве и услышал, что она ещё не покидала башни. Быстрее ветра взлетел Элиас по парадной лестнице в замок. Он спешил заключить свою милую нежную Перси в объятия до того как

она спустится в зал. Тихо приоткрыв дверь, король вошёл к ней в покои. Персина тихонько напевала что-то в комнатке рядом с их спальней. Там стояла большая дубовая бочка для омовений, висело зеркало и нарядные платья жены. Элиас подошёл на цыпочках к двери. Ему нравилось любоваться красавицей, которую подарила ему судьба в роли спутницы жизни. Каково же было его удивление, когда он увидел, что она не одна. Перси пела, склонившись над бочкой, в которой плескались в воде три малышки принцессы.

Сердце короля запело от счастья. Он раздвинул полог над дверью и вошёл в комнату. Песня стихла, оборвавшись пронзительной нотой. В наступившей тишине было слышно лишь детский лепет и плеск воды. Королева стремительно встала, загораживая пышной юбкой девочек от взгляда отца. Но того, что он увидел, уже было довольно, чтобы Элиас побледнел и схватился за стену. Его милые, очаровательные малышки плавали и плескались в дубовой бадье, разгоняя комья мыльной пены хвостами. Длинные, чешуйчатые, извивающиеся словно змеи, они будут долго теперь сниться Элиасу по ночам. Король испустил слабый сдавленный крик. Жена бросилась к нему, но остановилась, не в силах приблизиться вплотную. «Я взяла с тебя клятву никогда не заходить ко мне в спальню, если я купаю детей», – шёпотом сказала она, но глаза её горели огнём. – «Ты нарушил слово, и теперь я покину тебя». Элиас, словно одеревенев, наблюдал, как она вынимает малышей из ванны, заворачивает их в простыни, как

они превращаются из чудовищ в его маленьких милых дочек, и не мог ничего сказать. Он так и остался недвижим, когда они вышли из комнаты в спальню. Он слышал, что Персина распахнула окно, слышал её тихое «прощай», но не мог даже пальцем пошевелить. Только слёзы, горячие слёзы застилали ему глаза и текли, и текли по лицу.¹⁸

Берегиня прервала чтение. Ментор Оникс положил ей руку на плечо. Он задавал вопросы девушкам, сидящим вокруг. Кто-то отвечал, дополнял ответы друг друга. Мая слушала лишь звук капель, срывавшихся с потолка и разбивающихся о гладкую поверхность воды. И казалось ей, что это слёзы Элиаса падают на каменный пол его замка.

– Продолжайте, мадмуазель Майорика, – вывел её из задумчивости голос Оникса. – Давайте узнаем, что случилось дальше с несчастной феей Персиной и её маленькими дочками.

– Много лет король Элиас ничего не слышал о своей пропавшей жене. Он старался забыть и её, и своих дочерей. Дважды он пытался жениться, но больше в браке уж не был счастлив. Его избранницы, так и не подарив ему наследников, умерли молодыми. Но однажды он отправился в чужой город. Там ему повстречался купец, что рассказывал дивные сказки об острове Авалон и о темноволосых красавицах, населяющих этот край. Элиас захотел попытать своё счастье ещё раз и посвататься к одной из этих девиц. Бросив сви-

¹⁸ Легенда о Мелюзине в вольном изложении.

ту и слуг, он отправился вместе с купцом ночью к острову посреди затерянного в лесной глуши озера. Всю дорогу ехал он словно во сне. Улыбка блуждала по его освещенному лунным светом лицу, Элиас тихо пел песенку, слов которой разобрать было невозможно. Распростившись с купцом возле лодки, король Элиас сел в неё и оттолкнулся от берега. Течение подхватило утлое судёнышко и понесло к острову, что таился в рассветном тумане. Больше короля Элиаса никто не видел.

Глава закончилась. Майя вновь подняла глаза от книги. Ментор Оникс поблагодарил её за прекрасное чтение и велел передать книгу следующей ученице. Майя тихая и задумчивая вернулась к подружкам.

– Ну, ты как? – ткнула её в бок локтем Ника.

Майя пожала плечами.

– Нормально, – она села на своё место и приготовилась слушать дальше. Но внезапно полумрак пещеры рассеялся, по воде пошла рябь и в класс вошла директриса. Мелюзина поклонилась ментору.

– Извините Оникс, что прерываю. Мне необходимо побеседовать с одной из Ваших учениц. Могу я забрать с урока берегиню Майорику?

Ментор Оникс понятное дело не возражал, и несчастная девушка покинула класс, провожаемая взглядами и шушуканьем остальных учениц.

Мелюзина шла быстрым скольльзящим шагом, Майя еле по-

спевала за ней и, когда директриса внезапно остановилась у высокой двустворчатой двери, девушка едва не налетела на свою провожатую. Пробормотав чуть слышно извинения, берегиня огляделась вокруг. Ей ещё не приходилось бывать в этой части подводного замка. Судя по всему, тут располагались личные покои Мадам и других педагогов.

Мелюзина, провернув в замке ключ, отворила одну из дверей и вошла в сумрак комнаты. Майя двинулась следом. Оказалось, что за дверью находится небольшой кабинет. Стены его сверху донизу закрывали портьеры из синего шёлка. Директриса уже сидела на одном из двух стульев в центре комнаты и приглашающим жестом указывала берегине на другой.

– Присаживайся. Можешь назвать меня тётёй. Мы здесь одни и мы можем поговорить не как ученик и учитель, а как близкие люди. А у близких людей не может быть друг от друга секретов. Так ведь?

– Да, тётушка. – Майя села на краешек стула, руки девушки выдавали волнение, охватившее её. Они беспокойно разглаживали складки на юбке, перебирали колечки пояса.

– Не волнуйся, дитя, я не съем тебя, – наконец изрекла директриса. – Но я очень хочу знать, для чего ты ходила на берег, и советую мне не врать, ведь помимо перспективы быть съеденной есть ещё много разных вариантов.

Майя судорожно сглотнула.

– Мадам, я не знаю, о чём Вы говорите.

– Хочешь, чтоб я просветила тебя, моя дорогая племянница? Не вопрос, – феяри щёлкнула пальцами, и полотнища синего шёлка на одной из стен зашевелились. Они разошлись в стороны, открывая взгляду девушки дверь, сплошь покрытую серебряным узором.

– Видишь ли, Майя, мы с тобой в комнате Выбора. Это что-то вроде Вашего былинного камня. Ну, такого, с надписью: «Налево пойдешь – коня потеряешь, направо пойдешь – жизнь потеряешь, прямо пойдешь – счастье найдешь и жив будешь, да себя позабудешь». Здесь тоже есть выбор. Между чем и чем, поверь тебе лучше не знать. Просто скажи, что ты делала на берегу и тебе не придётся выбирать. – Мелюзина склонилась к девушке, пристально вглядываясь в глаза. Зрачки феяри расширились и, казалось, совсем загипнотизировали свою жертву. Но водяница сморгнула и вновь ответила.

– Я не знаю, о чём Вы говорите, Мадам.

– Ну, тогда ступай и посмотри поближе. Иди, иди. Это только одна дверь. Это пока не выбор. Но запомни, когда ты увидишь их все, то другого пути из этой комнаты больше не будет. Ты сможешь выйти лишь в одну из них.

– Майя встала и на негнущихся ногах подошла ближе к двери. Сквозь рисунок на ней она увидела толщу морской воды. Силуэты каких-то крупных рыб мелькали где-то вдали. Двери были стеклянными, но ничего страшного в них и за ними не наблюдалось. Майя оглянулась на морскую ведь-

му.

– Не спеши, – усмехнулась та, – подойди ближе, дай им увидеть тебя.

Майя сделала ещё один шаг. Переплетенье узора сместилось, он, словно ожил, и в его очертаньях берегиня увидела вдруг до боли знакомые черты лица. Рыжий парень с раскосыми зелеными глазами падал в невероятно глубокий колодец. Он летел вниз, тщетно пытаясь ухватиться за стены руками, обламывая ногти и срывая кожу на пальцах. Падение длилось всего мгновение, но водяница увидела всё это до мельчайших деталей, ощутила ужас и безысходность, охватившие парня. Губы девушки задрожали, из глаз брызнули градины слез.

– Вы не сделаете этого! – закричала она, – Не сделаете!

– Чего не сделаю? – с интересом спросила Мадам. – Видишь ли, варианты выбора видит только тот, кому он адресован. Так что это не я, это ты сделаешь, выбрав этот путь. Только от тебя будет зависеть судьба тех, кого ты там видишь.

Майя задышала ровнее. Мелюзина тихо встала и прошептала у неё за спиной.

– Ну, что посмотрим следующую дверь?

– Нет! Я не буду смотреть! Я не буду делать этот Ваш дурацкий выбор, тётушка! – Майя бросилась к входной двери и заколотила в неё что есть сил. – Выпустите меня сейчас же! Выпустите! Вы слышите меня?

Мелюзина с огорчением покачала головой.

– Очень жаль милая, но здесь это так не работает. Если ты не станешь делать выбор, то его сделаю я и уйду. Одна. А ты останешься. Это ведь тоже выбор.

– Вы не сделаете этого. Дедушка не позволит Вам запереть меня здесь. Он, он...

– Он просил меня сделать так, чтобы ты стала хорошей колдуньей. Водяная магия – страшная сила, и овладеть ею можно лишь пройдя через страшные испытания. Так что мои педагогические методы и приёмы могут быть весьма необычны. Думаю, что сумею убедить твоих близких в целесообразности твоего испытания Выбором. Сколько ты здесь протянешь? День, два, месяц? Может быть год, или десять. Рано или поздно ты сделаешь выбор.

Директриса щёлкнула пальцами. Занавес на второй стене тоже распахнулся, обнажая ещё одни двери.

– Подождите, пожалуйста, подождите, – взмолилась берегиня. – Ну, зачем Вам знать, что я делала на берегу? Я ходила туда просто потому, что я не могу больше жить без внешнего мира, прятаться в этих Ваших подводных пещерах, зашнуровывать все эти ботинки и корсеты?! Отпустите меня просто домой, тётя Мелюзина. Ну не выйдет из меня сильной колдуньи. Вам-то что из этого?

– Мне? – глаза Мелюзины расширились и опять потемнели. Низким рокочущим, как прибором голосом она проговорила, – За восемь столетий я воспитала сотни тысяч стропти-

вых и не очень девиц. И ни одна моя выпускница не оказалась плохой колдуньей. И ни ты, ни твои подружки не зама-рают репутации моей школы. Так что для меня важно знать, что ты и когда делаешь, тем паче, что ты не проявляешь осо-бенных успехов в учёбе, а, следовательно, думаешь о чём-то другом. Вот я и хочу знать о чём.

– Я хочу домой, – Майя насупилась и скрестила руки на груди.

– Иными словами, ты пыталась убежать из школы? А зачем тогда вернулась? – Мелюзина иронично вздернула бровь.

– Я не пыталась убежать, – начала было оправдываться Майя и осеклась.

– Нет? – Улыбка Мелюзины стала ещё презрительней, – Но тогда зачем ты ходила на берег?

– Я Вам не скажу.

– Очень жаль. В юности мы все порой бываем такими упрямыми. С годами ты поймёшь, что вела себя глупо. Хотя в твоём случае ты, пожалуй, поймёшь это гораздо раньше. Осталось открыть одну дверь. Подумай, Майя, хорошо подумай.

В комнате повисла тишина. Затишье перед бурей. Мёрт-вый штиль. И только мысли скачут в голове, словно полоум-ные зайцы. Скачут и никак не находят выхода.

– Если я скажу Вам, зачем ходила, Вы откроете обычную дверь?

– Нет. Но я сделаю Выбор сама и выведу тебя отсюда другим путём. Это будет мой Выбор, он отразится в моей судьбе, а ты будешь жить как жила, не жертвуя ничем из того, что тебе так дорого.

– Я хочу увидеть все двери.

Мелюзина развела руками и сделала приглашающий жест.

– Подходи, смотри.

Майя медленно приблизилась к стене. Берегиня почти не дышала, пристально вглядываясь в узорчатые створки. Серебристо-зелёные, изгибающиеся, словно водоросли, линии вдруг потемнели и стали похожи на спутанные корни деревьев. От двери потянуло сырой землёй, затхлым воздухом, гнилью. Кто-то тихо и жалобно плакал за ней. Кто-то очень знакомый. Майя пристально вглядывалась в рисунок, но он становился всё темнее и непрогляднее. Внутренне содрогнувшись, девушка подошла к третьей стене. В наступившей тишине послышался звонкий щелчок пальцами. Синий шёлк шевельнулся, медленно и неотвратимо открывая последний путь из комнаты. Раздался хриплый кашель, больше похожий на карканье.

– Кхар-р-р! Кхар, кхарр... Ну, зачем ты пришла? – Среди болезненно бурых камышей колыхалась Чернушкинская топь. – Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Яга¹⁹ смотрела на водяницу жалобно и укоризненно.

¹⁹ Баба Яга— в славянской мифологии и фольклоре живущая в лесу старуха-чагодейка, близкая родственница Чернобога – владыки Нави, повелителя смерти.

– Ты же знала, что так будет. Чем я смогу помочь? Они все ушли. Их больше нет. Ты же видишь, – и Яга протянула руку, указывая куда-то в сторону. Взгляду девушки открылись безжизненные, заболоченные берега реки, пепелища костров, кучи мусора. Заходящее солнце окрашивало воду в какой-то ржаво-красный цвет.

Майя опустила на колени и закрыла лицо руками.

– Так не может быть, так не может быть... – всхлипывала она. – Это наваждение. Это всё морок...

– Хочешь, проверь.

– Не хочу.

– А придётся. Теперь я уже не смогу вывести тебя отсюда, – голос Мелюзины звучал тускло и устало. – Я была здесь пять раз. Пять раз за семь столетий, что стою на посту директрисы пансиона Змеи. И ты первая, кто пойдёт по дороге сама. Ты упрямая, глупая. Но если хочешь, я могу пойти с тобой. Я помогу тебе в пути, однако, отменить твое пророчество я не в силах.

Майя съежилась на полу. Обхватив колени руками и уткнувшись в них лбом, она плакала. Слезы солёные, как и море вокруг, обжигали щёки, щипали искусанные в кровь губы девушки. Мелюзина подошла и потрепала её по голове.

– Поднимайся, девочка. Пора. Двери тебя ждут.

– Что стало с теми, кто был здесь до меня?

– По-разному. Кто-то высоко поднялся, а кому-то суждена была простая судьба.

– А Вы? Вы за них проходили выбор и...

– Не за них. За себя. И по правде сказать, я о нём не жалею. – Мелюзина села на пол рядом с Майей. – На мой взгляд, лучше знать из чего выбираешь, чем потом сокрушаться о том, что не ведала, что творишь. Кто предупреждён – тот вооружён. Так, что глупая, упрямая девочка, ты сейчас можешь выбрать из трёх зол меньшее.

Они снова замолчали. В комнате становилось холодней и темнее, или так только казалось Майе. Наконец она решилась. Берегиня встала, оправила одежду. Вытерла распухшее от слёз лицо.

– Если я уйду одна, Вам придётся сделать свой выбор, тётя?

– Да, конечно.

Майя покачала головой.

– Не хочу, не надо, – она протянула руку Мелюзине. – Я возьму Вас с собой. Я не буду заставлять Вас искушать судьбу.

Мадам приняла её руку и, слегка опершись на неё, встала.

– Хорошо. Пусть так. Мне будет интересно увидеть, что же ждёт нас в пути.

– Ничего хорошего, – буркнула Майя и направилась к двери, за которой слышался плач. Не могла она сгубить всю Чернушку, и Базиля потерять не могла. – Знать бы ещё, кто там теперь плакать будет по моей вине.

Девушка дотронулась до ручки двери, обернулась к Ма-

дам. Директриса, непривычно растрёпанная, с покрасневшимся лицом и припухшими губами, оставалась стоять в центре комнаты. С удивлением и тревогой она смотрела на Майю.

– Вы идёте? – спросила девушка. Фейри смутилась и, спрятав свои мысли за ресницами подошла к другой створке двери. Взяла Майю за руку и одновременно с ней шагнула за порог.

Глава 4

Изнанка

Базиль сидел, уставившись невидящим взглядом в закрытую дверь чердака. Этой зимой он бывал здесь не часто, но следов запустения в его жилище не наблюдалось. Петли, запертой на зиму двери, не заскрипели, когда он отомкнул её снаружи. В свежем воздухе витал запах мяты и чабреца. Домовой исправно обметал пыль, поправлял ставни на крошечном полукруглом оконце, взбивал подушки и перину племянника.

После летней «очистительной кампании», когда Василина Егоровна вынесла отсюда всю старую мебель, комната стала казаться гораздо больше. Вокруг выбеленной печной трубы мальчишки вместе с Базилем устроили себе лежбище на пушистом ковре из диванных валиков и думочек всех сортов и размеров. Здесь было здорово читать сказки, бороться или просто валяться и болтать обо всём, что придёт в голову. Осенью Кит привёз из города здоровенного, плюшевого медведя. И теперь Мишка, заботливо укутанный в плед, спал в их берлоге, ожидая наступленья весны.

Кот качнулся в кресле. Здесь, в Изнанке, многие Базиля звали именно так. Половицы скрипнули под напольными ду-

гами старой качалки, и вновь под крышей лесникова дома воцарилась тишина.

Хранитель задумчиво перебирал пальцами пряжки своего пояса. Он вспоминал разговор с Водяным. Слово за словом Кот прокручивал его вновь и вновь, с горечью осознавая, что Правитель Донный был прав. Во всём прав.

По уставу Хранители не могли вступать в брак ни с кем из обитателей мира Нави. Духи живут очень долго. Так долго, что порой и не упомнят времён своего появления. Хранители же рождаются в Яви. В прямом смысле слова рождаются. Вместе со своими хвостатыми братьями и сёстрами они сосут молоко и греются под боком у своей мамы-кошки. Вот только спят они совсем не так как другие котята. Во сне их перекидывает в Навь, и там они плачут как потерянные маленькие дети. Да ведь они и есть там маленькие дети, крошечные человеческие детеныши, непонятно как оказавшиеся совсем одни в чужом холодном мире. Кошка мать всё это чувствует и сторонится, отталкивает от себя чудного котёнка.

Замечали когда-нибудь таких вот не ухоженных, не облаканных, хилых котят? Да? Ну, так вот из них и вырастают Хранители. Если, конечно, повезёт, и кто-нибудь возьмётся выкормить кроху из пипетки.

Базилу повезло. Его не просто выкормили, его ещё и выучили. В три месяца, когда две его сестрички и брат только-только начинали осваивать мир за пределами старой ко-

робки от принтера, в которой им довелось появиться на свет, Базиль уже готовился сдавать экзамены в специальной школе для одарённых котят. В его выпуске их было всего пятеро, но старый травник, что учил их волшебству и врачеванию, говорил, что в былые годы в обучение приносили куда как больше котят и даже кошек. Старик вдалбливал в вихрастые головы своих малолетних воспитанников названия чародейских трав, заставлял определять их по вкусу и запаху. Шестилетние мальчишки варили зелья и проверяли результат своих трудов на себе, от чего в реальном мире их порой пробирало понос и почесуха. День будущих Хранителей в Нави начинался с пробежки километров в пять, приседаний, отжиманий и других тренировок на выносливость, силу и ловкость. Будущих защитников правопорядка готовили ко всему. Мало ли, что ждёт неразумных котят в мире Яви и Нави. А вот к тому, что случилось с Базилем, их не готовил никто, и теперь он сидел и гадал, что с этим делать.

– Майя, Майечка, подружка моя, – со вздохом Кот поднялся из кресла-качалки. Оно размашисто откинулось назад и продолжало раскачиваться, пока Базиль укладывал в шкатулку свой пояс, запирал её и прятал в глубинах необъятного сундука под грудой книг, перьев, ниток, кореньев и прочего расходного материала для создания оберегов. В относительном порядке хранилось только бельё и одежда Базиля, но его в том заслуги не было. Домовой занимался и стиркой, и глажкой, и штопкой вещей племянника. Дядька не раз рас-

пекал его за небрежность, Хранитель каялся, клялся не раскидывать вещи, даже разбирал их по ящичкам и мешочкам, но вскоре здесь вновь воцарялся творческий беспорядок.

Кот вынул свежую рубашку, узкие чёрные штаны. Скинул долгополый сюртук и прошёлся по нему грубой щеткой. За последние полгода Базиль сильно раздался в плечах. Глядя на него в Реальном мире, дед Егор, бывало, хмыкал и говорил: «Заматерел кот, вон какой красавец вымахал, хорош». В Изнанке же хвалить его особо было некому, но Кот порой замечал, восхищённые взгляды и вздохи валькирий и водяных дев.

«Вот и довздохались», – подумал он, глядя на себя в небольшое зеркальце на крышке сундука. В сумраке зелёные глаза его слегка светились, от чего все остальные черты лица ещё больше терялись в тени. Он пригладил усы. Шелковистая лента обрамляла рот, лишь подчёркивая выразительные подвижные губы. Тонкий нос и высокие скулы выдавали в нём хитреца. Но глаза, это зеркало души, у Хранителя были широко распахнутыми, готовыми вобрать в себя все откровения и чудеса подлунного мира. Так что всякий, кто заглядывал в них хоть разок, тут же проникся доверием к их владельцу.

Базиль встал, быстро переоделся, нахлобучил на голову рыжую лохматую шапку, накинул на плечи такой же рыжий тулуп, стукнул в пол каблуками высоких нарядных сапог и исчез.

Реальность

Я поднялся с лежанки в дедушкиной комнате. День клонился к вечеру. Из всех углов дома напоздали зимние холодные сумерки. Только в кухне уже горел свет и слышались голоса. Егор Гаврилович вернулся со стройки, и баба Маня кормила его то ли обедом, то ли ужином.

В животе моём заныло, заурчало. Как вернулся утром с речки сам не свой, так и ушёл сразу в Изнанку. Побродил немного по округе и залез на чердак. Думал, легче станет. Не стало. Может, ну их переживанья все эти сердечные. Вот сейчас как пойду на кухню, как подсяду дедушке, он меня колбаской угостит, и сразу полегчает на душе. Я расправил хвост и тронулся на запах голубцов.

Дедушка был в благодушном настроении, он хитро щурился, подкручивал усы и улыбался. Я запрыгнул на скамейку рядом с ним, подсунул голову под локоть и басовито заурчал – рассказывай, мол, давай, старый. Но он лишь почесал меня за ухом и кликнул бабушку от печки.

– Смотри, кто к нам пришёл, Марь Дмитриевна! Корми работника, давай.

– Васенька, голубчик, – бабушка взяла меня на руки. – Проголодался, мой хороший? Сейчас, сейчас я тебе тефтельку положу.

Я зажмурился и запел, замурлыкал как моторчик. Баба

Маня точно знает, как спасти разбитое сердце бедного кота. Спрыгнув на пол, я уселся возле своей миски, с вождедением следя за манипуляциями бабушки. Мария Дмитриевна вылавливала из кастрюли круглые тефтельки, разминала их на блюдечке, поливала бульончиком и нахваливала, нахваливала дедушке меня. Судя по её рассказу, мышка, от которой я спас дом была невероятным монстром, расхитителем сокровищ и вандалом, вознамерившимся изгрызть и испортить всё, до чего только доберётся. Дедушка посмеивался в усы и уплетал свои голубцы, поглядывая на меня. Я не обижался, ведь, в конце концов, мышка и впрямь была совсем уж маленькая. Так что пусть дед Егор себе смеётся. Я принялся за еду.

– Знаешь, Маша, я, как только этот сруб²⁰ увидел, сразу понял, что он точь-в-точь под наш проект подходит. И размеры, и стиль. Вот, думаю, Васюта обрадуется. И ведь историческая ценность на лицо – XIX век как-никак. Уж и не думал, что у нас тут где-то такие сохранились. Завтра позвоно хозяину и попрошу поторопиться. Василинка-то на пару дней только приехать сможет. Хочу, чтобы она сама на сборке и присутствовала.

Я встряхнулся и уставился на деда. Тот, как ни в чём не бывало, уплетал свой ужин и, что называется и, в ус не дул, чтобы поделиться информацией с моим заинтересованным

²⁰ Сруб – деревянное сооружение, стены которого собраны из обработанных брёвен.

лицом, вернее мордой.

– Мр्याу! – потребовал я больше подробностей и, наступив на горло своей гордости, припал к его ногам. До предела увеличив громкость своего урчания, я принялся полировать его штаны, но он только хмыкал и нахваливал стряпню бабы Маши. Я подёргал лапой его руку, он расхохотался и сказал:

– Гляди-ка, Марь Дмитриевна, что твой крысолов творит. Как бы он меня не съел.

Это было слишком. Я и впрямь обиделся. Дело ведь не в мышке. Эх, да что там говорить. Не ожидал я такого от дедушки. Никак не ожидал. Повесив хвост, я пошёл прочь из кухни. Баба Маша чай заваривала и поддержки мне не оказала, так что вскоре я опять устроился на думочке²¹ своей и носом к стенке повернулся.

Сон не шёл. Я вслушивался в разговор из кухни, но Егор Гаврилович про стройку и про Василину больше ничего не говорил. Я вздохнул, придвинулся вплотную к стенке шкафа и потянулся мысленно к книгам внутри него. Читать я, конечно же, умел, но не любил на это время тратить. Лишь к одному старинному изданию в этом шкафчике я обращался ежедневно. Увесистая и довольно потрёпанная «Велесова книга»²² служила мне не просто источником информации о былых традициях и верованиях наших предков, а ещё и спе-

²¹ Думочка, думка – маленькая подушечка, подкладываемая под голову.

²² Велесова книга – уникальный письменный памятник славянской дохристианской культуры.

цифическим прибором для слежения за дальними частями заповедника и прилегающими территориями. Раньше, чтоб воспользоваться ей, я должен был коснуться, а теперь достаточно было просто сидеть рядом, представлять её, чувствовать нутром, и тогда она показывала мне всю нашу Чёрную поляну, и никто из обитателей Изнанки не имел возможности укрыться от меня.

Я взгляделся в искорки, мелькающие в темноте, они расплылись на мгновение и вернулись к исходным размерам, обретая каждая свой цвет и смысл. Несмотря на поздний вечер и глубокий ровный снег все особенности местности просматривались хорошо. Вероятно, оттого что я лично, на своих двоих, а то и на четырёх излазил вдоль и поперёк всю эту территорию, и теперь каждый камень, каждая осинка и берёзка откликались на мой призыв. Кстати, о камнях. Я всмотрелся в верхний край карты. Там, у берега Чернушки, на пологом заснеженном лугу, алел Анчуткин камень. Чуть выше громоздились камни старой мельничной плотины, они, конечно, не светились, но вокруг сновало много водяных духов и их переливчато-жемчужные блики ложились отсветами на стройку вокруг. Мне бы хоть одним глазком увидеть, что они там делают и тогда...

Дверь тихонько скрипнула, дедушка вошёл и щёлкнул выключателем. По комнате разлился тёплый свет. Егор Гаврилович уселся на диван и похлопал по подушке рядом с собой.

– Ну не дуйся, Вась, иди сюда. Поговорить надо.

Я не шевельнулся. Сделал вид, что сплю. Дед включил телевизор, полистал каналы. По «России» передавали новости. Егор Гаврилович прибавил звук и уселся поудобнее. Пружинны старенького дивана закричали в ответ.

– Ну, вставай уже, не притворяйся, Василий. Говорю тебе – дело есть.

Я ещё сильнее зажмурился и даже морду лапами прикрыл.

– Ну не хочешь, как хочешь, – дедушка поднялся и пошёл к столу у окна. Там под кружевной салфеточкой лежал у нас ноутбук. Егор Гаврилович включил его в сеть, придвинул стул и принялся чего-то там настраивать. Я, конечно, не выдержал. Потягиваясь и позёвывая, словно только проснулся, я приблизился к окну, вскочил на подоконник и оттуда перебрался на стол. Дед, не глядя, сгрёб меня в охапку, потрепал по голове и почесал под подбородком. Я стерпел все эти фамильярности, хотя очень мне хотелось его цапнуть.

– Мир? – спросил он.

– Мир, – проворчал я и снова влез на стол. Пока дед открывал какие-то картинки в Интернете, я привёл в порядок свою шубку.

– Вот гляди, – сказал он, наконец. – Хорошая избушка? А? Как ты думаешь?

– Не плохая, – отозвался я. Да, совсем забыл сказать, что Егор Гаврилович, как, впрочем, и его дочь, и внуки, прекрасно понимал меня в кошачьем теле, и прекрасно видел в человеческом облике, то бишь в Изнанке. Дело в том, что мой

хозяин он не просто лесник, а и колдун изрядный. Все Ижевские в Ольховской школе у моих крёстных магии учились. А вот Лёшку и Никиту они туда пока не отдают, говорят малы дескать. Но мальчишки всё равно волшебниками станут. Сила им огромная дана. Это мне Яга как-то раз сказала. Да вообще я и сам так думал давно.

– Ну чего молчишь?

– А говорить, то что? Изба, как изба. В хорошем вроде состоянии. Особенно если ей больше века уже.

– Почти два. Только ты другое смотри. С избой довеском жильцов не прихватить бы ненароком. Проверить можешь?

– По картинке? Я тебе кто? Экстрасенс киношный? По картинке ничего не скажу. Живьём глядеть надо.

Дед нахмурился. Я для приличия потрогал лапой экран, приняхался.

– Далеко она от нас?

– Да, не очень. Только времени ездить туда-сюда нет. Вот если б ты один сгонял...

– И кто ж мне дорогу покажет?

– А Водяной.

– Его просить не буду, – встопорчился я, даже хвост задёргался.

– А чего это вдруг? Он вот тоже про тебя и слышать не хочет. Что за кошка между вами проскочила?

– Да не кошка. И вообще, это так. Личное.

– Ну, а ты, Хранитель, личное с общественным не путай.

Твоё дело нас от беды беречь, вот и упреди неприятности. А как ты это сделаешь, то тебе решать. Не хочешь с Водяным, проси Лешего. У него ведь тоже хитрости имеются. Адресок я тебе напишу. Даже где стоит, примерно нарисую. А ты уж будь добр сегодня – завтра разузнай всё как есть. Через пару дней хочу с хозяином к нотариусу съездить, купчую оформить поскорей. Чтобы на Маслену неделю перевезти домик.

– Значит, Василина Егоровна на праздники приедет? А ребята?

– И ребята. Если, конечно, сделка состоится.

– Шантажист, – вздохнул я, – рисуй, давай, где этот сруб искать.

Егор Гаврилович достал из ящика стола карандаши, из принтера бумагу и открыл мне Гугл-карту района.

– Вот гляди – Чернушка наша, вот тут Поляна Чёрная, здесь наш дом. С Водяным, конечно, проще всего перенестись было бы, но если ты не хочешь...

Я опять задёргался и зачесался весь. Пересел подальше от экрана.

– Это я к тому, что сруб у Лебяжьего озера стоит. Вот здесь. Село тут раньше было Плакучее. Землю олигарх какой-то выкупил. Дачу будет строить, а избушка ему без надобности. Прознал откуда-то, что Василюшка Музей у нас тут строить будет, и предложил в качестве экспоната. Не дорого.

Егор Гаврилович уже набросал на листке очертания реки, озёр ближайших и теперь размашисто закрашивал вокруг

них землю в серый и зеленый цвет. Потом достал чернильницу и перьевую ручку. Сердце моё ёкнуло от ощущения дежавю ²³Прошлым летом точно также я с азартом отмечал на нарисованной Алёшей карте этой ручкой ключ-камни Чернушкинские.

– Вот теперь смотри. Для Лешего пометки. Видишь бурелом невдалеке, – дед ткнул в одну из фотографий на экране пальцем. – А подле него две сосны срослись, как будто борются. Тут без Лешего не обошлось. Они такие шутки вытворять любят, а потом друг перед другом хвастают. Идти, конечно, чуть подальше, чем от озера. Но всё ж не три версты.

Я кивнул. Старательно всмотрелся в фотографии. А вдруг да пригодится картинка.

– Всё запомнил? Ну, тогда спокойной ночи, – дедушка закрыл страничку браузера и выключил ноутбук. – На тебя одна надежда, крысолов. Поймай мне эту мышку, если она там есть. А она там почти наверняка есть. Избушка-то как новенькая, а ей через три годика двести лет по документам стукнет. Так что либо экспертиза на неё липовая, либо кто-то из навников в ней живёт. И мне надо знать кто.

– Вероятно, и мне тоже, – отозвался я и спрыгнул на пол. – Ты ж ведь этот сруб в любом случае на мой участок притащить решил? Он ведь и по стилю, и по размеру так подходит,

²³ Дежавю или deja vu – психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации или подобном месте.

так подходит.

– Да, подходит. По проекту это будет пасечника дом.
Я махнул лапой, и дед довольно подкрутил усы.

Глава 5

Изнанка

Майя быстро шла, почти бежала по тропинке, еле различимой в густом подлеске. Она жадно вдыхала, наполненный ночной прохладой воздух и вслушивалась, вслушивалась в окружающую тишину, ожидая и страшась обнаружить то самое, что она выбрала. Мелюзина поспевала за ней с трудом. Фейри непривычно громко дышала и чертыхалась.

Берегиня оглянулась на спутницу. Ей стало жалко тётку.

– Мы можем отдохнуть, если хотите, – предложила девушка.

– Было бы не плохо. Воздух слишком сухой для меня, – выдохнула с трудом Мадам, – И здесь есть какие-то аллергены. Давно не чувствовала себя так скверно.

Мелюзина опустила на кочку и, прислонившись спиной к замшелой сосне, попыталась отдышаться. Она втягивала в себя воздух носом и шумно выдыхала ртом. Втягивала и выдыхала, втягивала и выдыхала.

– Может быть, ослабить шнуровку... – обратилась к ней воспитанница и дотронулась до корсажа. Свой она уже давно распустила и теперь он болтался на бёдрах, практически не стесняя движений берегини. Фейри приоткрыла глаза и

покачала головой. Она уже дышала ровнее, и Майя успокоилась.

– Я ещё посижу минут пять. Осмотрись вокруг, если хочешь, а потом пойдём дальше.

– А зачем мне здесь осматриваться? Я вообще не пойму, где мы есть, – берегиня развела руки в стороны и повернулась. – Вроде бы и дома, но нигде, ни одного знакомого ручья. Это что сон?

– Сон не сон, но и не реальность тоже. Двери открываются в твоё видение, только ты можешь понять, где мы и найти выход отсюда. Осмотрись. Не нужно никуда бежать сломя голову. Дверь наверняка где-то есть, просто ты не замечаешь её, потому что спешишь.

– С Вами тоже так было?

– Первые два раза было, а потом... Потом как-то всё просто получалось. Суетные желания не сбивают с пути, когда помнишь о своём долге и предназначении.

Майя отвела глаза. Где-то в глубине лесной чащобы запел первый дрозд. Значит рассвет скоро. Под ложечкой засосало. Выходит, они с Мадам почти сутки как покинули школу. Есть хотелось реально, а не так как во сне. В животе заурчало. Майя подобрала длиннохвостый подол и пошла на звук песни. Пичуга заливалась трелями, ничуть не смущаясь присутствием в лесу чужаков. Дрозд сидел на низкой ветке орешника и самозабвенно раздувал горло. Самочки нигде не наблюдалось. Значит птичка ещё на подлёте. Да, похоже на

апрель месяц. Скоро день рожденья Дедушки. Майя повернулась к тропинке. Мелюзина уже совсем пришла в себя. Директриса распустила сложную причёску и расчёсывала длинные волнистые пряди.

– Я впервые проходила через Выбор в двадцать лет. Я же родилась в людской семье, человеческой, то есть. Мой отец был обычный человек. Мама – фейри. Ну да ты, наверное, знаешь, – Мелюзина улыбнулась. Сейчас в предрассветном лесу она казалась моложе и беззащитнее. Куда-то пропала жёсткая складка у губ. Глаза стали грустными и задумчивыми. Майя покачала головой. Она не собирала сплетен. А до этого им с тёткой откровенничать не приходилось.

– Мама в него сразу влюбилась, как только встретила в лесу. Они были счастливы. Пока он не нарушил своё слово. А потом. Потом мы долго жили в Авалоне. Учились там, росли, не думали как-то, что вообще всё по-другому может быть. Мама нас совсем малявками из замка забрала. – Мелюзина кончила переплетать косы, перебросила их за спину и встала.

– И что? Вы Выбор почему там делали?

– Дура была. Вопросов много задавала. У других-то детей и мама, и папа были, а нам с сестрицами только мама досталась. Я у старших допытаться хотела, где он, кто он. Вот меня и оправили на Выбор. Думали, я испугаюсь и уйду. А я не испугалась.

– А оттуда просто так уйти можно было?

– Можно. На острове, как и у вас прежде камни или стол-

бы на перепутье ставили. Подойдёшь к такому вот столбу с колокольчиком и случаеть, с какой стороны как звенит.

– Музыка ветра, – прошептала Майя.

– Нет, музыка ветра отгоняет духов. А у камня ты судьбу пытаешь. Колокольчик, вроде как зовёт за собой. Никогда не слышала о таком?

Майя покачала головой.

– А я даже где-то читала, что у вас под Ярославлем экстрасенс один все камни отыскал и рисунки их с местами силы сопоставил.

– У нас возле Чернушки тоже камни силы есть. Только мы их не трогаем. Стороной обходим. – Майя отвернулась от наставницы и тихонько побрела по тропинке. – А что дальше было? Вы нашли отца?

– Нашла. Он сам пришёл. Не узнал меня. Никого из нас не узнал. Сватать нас хотел. Жена ему опять молодая понадобилась. Вот тогда-то мы с сестрицами и заперли его в подzemелье, а мать узнала и разгневалась. Прогнала меня с острова, как будто это что-то могло изменить, – Мелюзина горько засмеялась. – Только знаешь, всё равно мы повторяем все ошибки своих милых родителей. Я потом точь-в-точь как мама поступила. И влюбилась в смертного, и детей ему родила. Вот только, когда он раскрыл мою сущность, детей с собой в изгнанье брать не стала. Одна ушла.

– А они как же? С ними что было?

– А они прославленными королями стали и принцессами.

Их замки до сих пор по всей Европе стоят. И на гербе у них крылатый змей.

– Значит, Вы свой выбор правильно сделали.

– Да. Вот только сердце до сих пор с ним спорит, с этим выбором.

Они выбрались из чащи на поляну. Сквозь туман, поднявшийся с травы, чуть заметны были старые деревья неопрятной мрачной кучей, громоздившиеся в центре. Вывернутые из земли, торчащие в разные стороны, словно скрюченные пальцы великана, обнажённые корни мёртвых исполинов напомнили водянице её видение. Сжав покрепче кулачки, она пошла к лесному бурелому. «Слушай, слушай», – твердила себе Майя мысленно в надежде отыскать, того, кто плакал в темноте.

– Эй, есть там кто? – позвала она, склонившись над огромной ямой. – Ау! Выходи, не бойся. Мы тебя не тронем. Мы помочь хотим.

– Нет там никого. Плохое это место. Не живёт никто. Давно. – Мелюзина потянула Майю за рукав. – Уходить надо. Подумай хорошенько про двери. Представь себе домик какой-нибудь...

Вдалеке, среди деревьев разгорался восход, и на фоне розовеющего неба поднималась вверх струйка дыма. Там было жильё.

Майя ещё раз осмотрела бурелом. Вздёрнула упрямо подбородок и, заткнув совсем истрёпанный шлейф школьной

юбки за корсет, зашагала на восток. Прежде чем опять войти в лесную чащу оглянулась, словно бы запомнить это место хотела. Вон оттуда из-под тоненькой рябинки они вышли на поляну с Мелюзиной. Куча валежника с этого края не казалась такой уж большой и зловещей. Больше чем она в глаза бросались две сосны, сросшиеся между собой. «Как будто борются», – мелькнуло в голове у Майи. Девушка вздохнула и раздвинула густые ветки елей. Дальше они шли молча. Через полчаса услышали вдруг плеск воды и свернули на звук. Перед ними расстиралось озеро. Рыбак в утлом судёнышке проверял свои сети. Ключья тумана ещё плыли над водой, но солнышко вовсю старалось разогнать их поскорей.

– Нам и правда нужна дверь? Через воду мы домой пройти не сможем? – обратилась Майя к Мелюзине. Директриса покачала головой.

– Как вошли, так и выйти надо. Но мы можем по воде до избушки срезать.

Майя тихо без единого всплеска ступила в озеро и подала руку Мелюзине. Через миг они стояли у причала.

– Что ж, совсем не плохо, – похвалила берегиню фейри. – У тебя хорошие способности. Не понятно только, отчего ты не справляешься с заданием в солёной воде.

– А зачем оно мне? Где я в наших речках и ручьях ей пользоваться буду, этой вашей магией морской? – Майя выбралась на берег. От мостков к избушке на пригорке вела узенькая чуть заметная тропинка. Не похоже, чтобы тут жило мно-

го людей.

– Ну, это ты зря так говоришь. Что-что, а солёная вода везде, где есть человек, найдётся. То и кровь, и слёзы, и рассол, если хочешь знать, тоже подойдёт для ворожбы.

Майя отмахнулась и полезла в горку. На краю откоса задержалась и подождала наставницу.

– Знаете, у нас есть мультик такой, про богатырей. Ну, мультик – фильм рисованный, мы его в Интернете смотрели, когда Лёшка и Никита из города к нам приезжали...

– Продолжай, не важно, что я не имею представления о том, кто такие Лёшка и Никита и как может водяная дева пользоваться Интернетом, – Мелюзина засмеялась и закашлялась одновременно. Крутой подъём опять заставил её задохнуться.

– Лёшка и Никита, это внуки нашего лесовика, они дружат с моим парнем, – Майя осеклась. – Ну, то есть другом. Да Вы правы, это всё не важно. В этом мультике колдунья старая омолодиться хотела и заставила девиц ведро слёз наплакать. Искупалась в них и превратилась в новорожденную. Так что слёзы это та ещё солёная вода.

Зря смеёшься, – Мелюзина помрачнела, – Это недоучки всякие, вроде тебя так влипнуть могут. И так, и ещё похуже. Кровь да слёзы – не водица, с ними осторожность нужна. Вот поэтому я вас всех и гоняю, как сидоровых коз. Ну, пойдём уже пока хозяин не вернулся.

– А вдруг это не та дверь?

– Не узнаешь, пока не откроешь.

– Мне надо о чём-то думать, или загадать что-нибудь, когда я открывать её буду?

– Да, пожалуйста, подумай о сухой и чистой одежде и ещё о тёплых тостах и яйцах всмятку. Было бы неплохо найти всё это там.

– Я серьёзно спрашиваю! Вы же обещали мне помочь, научить.

– А если серьёзно, то если ты ещё не всё, что надо видела, то никакие думки не помогут. Знаешь ты, кто в этом домике живёт?

Майя покачала головой.

– Видела его когда-то? Нет? Ну, так вот иди и посмотри. В оба глаза смотри и слушай, как тогда у бурелома делала. Если, что-то нехорошее проснётся, я тебя предупрежу.

Майя подошла к крылечку, тронула рукой грубо обтёсанные доски двери. Мелюзина пристально следила за ней. Девушка толкнула дверь и, задержав дыхание, вошла внутрь. В комнатке было темно и тихо. Только в подполе скреблись, должно быть, мыши.

– Никого, – сказала она, обернувшись к своей спутнице. – Обычная сторожка. Такие домики охотники в лесу иногда ставят. В них переночевать можно и от непогоды укрыться если что.

– На счёт переночевать не знаю, а вот перекусить бы – не мешало. – Мелюзина подошла к печке и заглянула в устье.

Там среди углей томился чугунок с кашей. Фейри вытащила его ухватом и искала миски.

– Вы что хотите есть это?

– Конечно. Очень вкусно пахнет. Мясом и грибами. Он видно гурман, рыбак этот. – Наложив в тарелку горку каши, она сунула её в руки девушке. – Не стой столбом. Бери ложку и ешь.

Майя огляделась, выбирая куда присесть. Вдоль одной стены тянулась длинная лавка. Берегиня устало опустилась на неё и едва притронулась к каше, как услышала тихий писк.

– Не ешь, сестрица, не ешь без нас. Мы тоже есть хотим, мы тоже кашку будем. – Из-под лавки гуськом вышли мышь-папа, мышь-мама, а за ними целый выводок мелких мышат. И всех они одеты были в курточки, штанишки или юбки. Отец семейства, крупный, толстый с длинными седыми усами снял с головы маленькую шапочку и поклонился Майе. Девушка заворожено смотрела на него.

– Видишь ли, красавица, мы давно в этом доме живём, так давно, что и не упомяну даже. Хозяин нас не очень любит, от него даже крошки хлебной не дождёшься. И просить мы у него боимся очень и стесняемся. А ты девушка на вид незлая, и нежадная. Может, дашь и нам вкусной каши попробовать?

Майя подняла глаза на Мелюзину. Та чуть заметно кивнула. Девушка поставила тарелку на пол, и мышиное семейство

выстроилось в ряд, держа перед собой в лапках крошечные мисочки и ложечки. Мышка-мама, ловко орудуя ложкой, наполнила по очереди мисочки всех своих чад. Те так же по очереди благодарили берегиню и с громким писком исчезали под лавкой. Вскоре перед девушкой остались только Мышки мать и отец. Они наполнили свои тарелки и уже собирались убежать, как вдруг Майя заметила, что Мелюзина делает ей знаки – дескать, спроси их, спроси.

– Постойте, подождите! А не знаете ли вы, где мне найти, того кто плачет горько в темноте? Жалобно так плачет, а вокруг него как будто корни высохших деревьев.

Мышки переглянулись, а потом уверенно сказали. Нет, не знаем. И никто не знает. Она приходит и уходит незаметно. Ближе к ней мы подходить боимся, и сама она нам ничего не говорит. Плачет и в окно на воду смотрит, словно ждёт кого-то.

– А она – это кто?

– Да кто же разберёт. Там темно. Очень.

– Но ведь вы сказали, что она в окошко смотрит.

– Ну конечно смотрит. Сядет, вот как ты сейчас, и заливаётся горячими слезами.

Майя огляделась вновь, пытаясь представить, как могла выглядеть комната ночью и, что можно было здесь принять за корни или ветки. Ничего не получалось.

– А вы ничего не путаете? Она точно тут плачет.

– Мы не говорили, что тут.

– А где? – Майя подалась вперёд.

– В подполе. За печкой лаз есть, если хочешь, погляди, пока хозяина нет.

Мелюзина предостерегающе закашляла и мышки тут же юркнули в подполье.

– Ну и что мне делать? В подпол лезть? – водяница подняла блюдце с пола.

– Если хочешь лезть, то делать это надо быстро. Наш рыбак все сети вынул и гребёт усердно к берегу.

– Господи, да что же это за напасть такая! – Майя брякнула на лавку блюдце с кашей, отыскала рядом печкой щепочку потоньше и, раздув уголья в топке, запалила её как лучину.

Мелюзина свою кашу тоже в сторону отставила. То ли стала сомневаться, что в избе, где мыши с незапамятных времён живут с хозяином бок о бок, есть что-то можно, то ли просто на привычный завтрак понадеялась. А вдруг и вправду дверь Выбора люк в подпол оказаться может. Словом, они обе втиснулись за печку, и присели над закрытой крышкой.

– Ну, давай уж, дёргай, не тяни, – сказала Мелюзина.

– Страшно.

– Страшно будет, если он придёт, а мы здесь. Это будет страшно. – Мелюзину била дрожь. У неё зуб на зуб не попадал.

Майя тоже затряслась. Зажмурилась и рванула на себя крышку люка. Она ещё успела почувствовать, как феяри схватилась за неё и ухнулась куда-то вниз, в бездонный, чёр-

ный колодец.

– Принесите молока, парного молока с мёдом, я вам так сказала. А это что? Мороженое? Какое мороженое! У неё горячка. Нервная горячка от потрясения...

Майя застонала и попыталась сесть. Сильные руки надавили ей на плечи, и уже совсем близко она вновь услышала знакомый голос.

– Не вставай, лежи. Лежи спокойно. А вы быстро отправляйтесь в кухню и без парного молока назад не возвращайтесь.

Торопливые шаги растворились в гулкой тишине подземного дворца. Майя часто думала, что ей будет сниться эта тишина, в которой и дыхание сопровождалось многоголосым эхом.

Они вернулись. Вот только куда и когда.

Мелюзина промокнула лоб племянницы душистым влажным полотенцем, и девушка вдруг осознала, что и на глазах её лежит прохладная мокрая ткань. Ноги, руки вся она словно маленький ребёнок укутана в уютное пушистое нечто, что вроде и не мешает, но и не даёт свободно двигаться.

– Не шевелись, Майорика, лежи. Ты прошла. Ты снова в школе. Отдыхай, – шептала ей на ухо Мелюзина. Голос тётки был непривычно ласков и тих. Майе мучительно сильно захотелось открыть глаза. Она задёргалась, забила головой

по подушке.

– Вот ведь упрямая. Ну что мне с тобой делать? – Мадам подобрала упавший с лица девушки компресс. – Тебе теперь поспать надо.

– Не хочу, – голос показался Майе чужим, надтреснутым. – Не надо ничего. Мне можно к себе пойти.

– Не сегодня. Завтра можно будет. А сегодня лежи здесь. Мадам Лариса последит за тобой. К койке Майи подошла дама в белом чепце и переднике. Она ласково поправила ей одеяло и дотронулась до лба.

– Вам уже заметно лучше, мадмуазель, – сказала она. – Вы быстро идёте на поправку.

– Сколько дней я здесь?

– Дней? Что Вы, милая. Вас принесли сегодня утром. Но в весьма печальном состоянии. Вы удивительно легко оправились после такого падения.

Майя удивлённо посмотрела на лицо Мелюзины. Та закатила глаза и фыркнула. На лбу феяри красовался синяк, от уха до ключицы шею украшала длинная царапина.

– Ты свалилась с галереи цветов. Мы свалились. Надо сказать, зрелище было весьма эпичным. Разрушение коралловых вазонов – просто неслыханный акт вандализма для нашей школы. Ты хоть знаешь, сколько времени они росли?

– Значит, мы вошли в историю?

– Главное, что мы из неё вышли. Не волнуйся, это всё забудется. Сейчас выпьешь молока по моему рецепту и по-

спишь, а завтра жду тебя на индивидуальное занятие. Больше ты у меня в школе ничего не поломаешь. После мартовской контрольной ты поедешь домой.

В лазарет торопливо вошёл тритон. Он почтительно склонился перед директрисой, держа перед собой поднос. Мелюзина взяла с него белую фарфоровую чашку, прикрыв глаза, понюхала, чем пахнет молоко и удовлетворённо кивнула. Тритон с явным облегчением выпрямился и отступил назад. Мадам чуть заметно улыбнулась уголками губ.

– Урок первый. Восстанавливаем силы. Свежее парное молоко, ложечка цветочного мёда, вытяжка из корней элеутерококка, имбирь, корица, – фейри добавляла в чашку ингредиенты, перемешивала, нюхала, опять мешала. Наконец, она довольная результатом протянула воспитаннице чашку. Майя чуть приподнялась, Мадам Лариса тут же поспешила на помощь, подоткнула подушки, помогла сесть. Мелюзина передала девушке чашку.

– Пей. Не нравится запах, не вдыхай, но пей.

– Майя с сомнением покачала головой, но под строгим взглядом наставницы поднесла зелье к губам. Запах был так себе. Водяная дева зажмурилась и заставила себя выпить напиток.

– Умница, – тётушка встала, – А теперь нужно спать. Просто спать. Утром приготовьте ей вкусный и обильный завтрак. Пусть ест что захочет. Я найду часов в десять. Надеюсь, видеть всех в добром здравии.

Майя вновь легла и закрыла глаза. Она пыталась припомнить, своё падение, но пока кроме дикого животного страха ничего не ощущала. В комнате приглушили свет. Дама Лариса ушла к себе в комнатку рядом с входом в лазарет. Незаметно для себя Майя заснула.

Глава 6

Изнанка.

– А потом она, говорят, встала и поставила на место свою голову. Вот так, – белокурая наяда²⁴ обхватила свою голову двумя руками за макушку и подбородок и резко повернула.

– Страх-то какой! – заохали моревны, прикрывая рты руками.

– Врут они всё, – отозвалась, сидящая у ног рассказчицы, сирена, – чтоб с такой высоты вниз упасть и подняться сразу, ещё верю. Болевой шок и всё такое, при условии, конечно, что руки ноги на месте. Но чтобы свернутую голову себе на место поставить... Такое только вурдалаки могут, стригои²⁵ тоже. В общем, все кровососущие. А Мадам – потомственная фейри.

– А вот и не врут. Я её сама мельком увидела, когда за пластырем в медпункт ходила. У неё на лбу шишка и вся шея, и спина изодрана. Ей Лариса перевязку делала и всё охала и ахала.

²⁴ Наяда – в греческой мифологии: нимфа рек и ручьёв.

²⁵ Вурдалаки, стригои (вампиры) – в мифологии народов Европы живой мертвец, полумертвец, ведущий ночной образ жизни или являющийся в облике летучей мыши, сосущий кровь у спящих людей, насылающий кошмары.

– А с девчонкой-то, что? Кто знает?

– Ой, та совсем разбилась. Даже в сознание не приходила. Её оттуда на носилках в лазарет унесли.

– Вот ужас! Кошмар, какой! – по геникею²⁶ прокатился шёпоток. Водяные девы переглядывались, делали охранные жесты и опять склонялись к пальцам и коклюшкам. Не ровён час войдёт к ним классная дама, а они без дела сидят. Попадёт всем и рассказчикам, и слушателям.

У окошка затянули тихо «Плач русалки». Грустная мелодия, понятная без слов всем водяным девицам, заструилась тонким ручейком по комнате. Ученицы школы благородных девиц Мадам Мелюзины незаметно для себя подхватывали песню, придавая ей и силы, и тоски. Моряки на проходящих мимо катерах крестились или чертыхались, но пленительные звуки будоражили их души и смущали разум. Так и чудились парням среди волн то косы, то глаза девичьи, и манили они за собой и тянули окунуться с головой в морскую глубь.

Ника наклонилась к уху Влады.

– Надо как-то повидаться с Майей. Может, сходим потихоньку после ужина?

– Надо, конечно. Но как мы это сделаем?

Берегини примостились на диване возле горки с чужеземными диковинами. Вазочки, брелочки, книг, камни разные, ракушки громоздились на пиратских старых картах. Гинекей

²⁶ Гинекей (др.-греч.) – в Древней Греции – женские покои в доме, занимавшие его заднюю часть или второй этаж.

так и назывался «Пиратос». Здесь всё напоминало о морских разбойниках и жертвах их набегов. Древние, окованные медью сундуки, бухты канатов, оплетающие стволы деревянных колонн, Фонари, рында и даже носовая фигура корабля, ростра, украшающая стену против двери. Ника завязала узелок и откусила нитку возле вышивки.

– Нужно, чтоб одна из нас изобразила отравление. Ну, тошнит там, голова болит или живот скрутило, а другая её провожает будто бы в медпункт.

– Тогда я, чур, провожатой буду.

Ника хмыкнула и принялась разглаживать узор на пальцах. Среди серых валунов серебрился и играл весёлый ручеёк, Густые ёлки оттеняли силуэт русалки, задремавшей на камнях. Ловко получалось, красиво.

– Хорошо, – сказала Ника, наглядевшись на свою работу, вдоволь. – Дай мне бежевую нитку, я ей руки ещё вышью. Авось успею.

Влада покопалась в коробе для рукоделий. Вынула клубочек и подкинула слегка. Ника на лету поймала пряжу. От согласного движения их руки встретились и стукнулись запястьями. Пробежала искра, и девчонки тихо засмеялись. Они точно знали, что с подружкой всё в порядке. Не могло иначе быть, ведь давным-давно связала их троих одною нитью Бабушка Водяница. И уж если б с Майей впрямь беда случилась, то и плетёные браслетки из нитки той порвались бы, рассыпались. А они вон под рукавами берегинь живут, игра-

ют, светятся.

Моревны, по соседству прявшие, неодобрительно поджали губы. Зашептались вновь, захохали. У входной двери, открытой настежь, шевельнулся мелкий камешек, откатился в тень и выпустил шесть тонких ножек. Соглядатай кинулся бегом к своей хозяйке.

Тишину, царящую в медблоке, нарушал только мерный стук капель в водяных часах. Никого из персонала видно не было, и Чернушкинские берегиньки прошмыгнули внутрь легко и незаметно. Майя безмятежно спала, подложив под щёку руки. Никаких особых повреждений видно не было, и Ника робко тронула подружку за плечо.

– Эй, засоня, как ты там? – потрясла она легонько Майю. Та, не просыпаясь, повернулась на спину и прошептала что-то неразборчиво во сне.

– Не буди её, не надо, пусть спит. Видишь всё у неё на месте: руки, ноги, голова. Пойдём отсюда. Только изругают почём зря, если застанут здесь.

– Подожди, давай оставим что-нибудь ей, знак какой-то, вещь. Проснётся и поймёт, что мы здесь были.

Ника вытащила из-за пояса платок. Связала узелком за-тейливым, и вот он – зайка беленький – сидит в пригоршне, ушками легонько прядает. Положив подле подушки свой привет, Ника на цыпочках пошла к открытой двери в коридор. Влада уже стояла там и, приложив палец к губам, делала

подружке знак остановиться. К лазарету кто-то приближался.

Девушки, двумя юркими змейками нырнули под ближайшую кровать и затаились. В дверь, держа в руке фонарь с мерцающей глубоководной рыбкой, заглянул тритон. Он приблизился к кровати Майи, бегло осмотрел больную, потрогал лоб и вышел, притворив за собой дверь.

– Она спит, фейри Лариса, крепко спит.

– Не то, что госпожа директор. У Мадам сломаны рёбра, и ещё этот вывих. Удивляюсь, как она держалась целый день. Такие боли...

– По школе сплетни ходят... Разное болтают. Даже вроде, что Мадам и не Мадам вовсе. Говорят, она так падала, что только переломами не обойтись было.

– Мелюзина много крепче всех нас вместе взятых. В ней ещё не выдохся тот шторм, что породил морских драконов.

– Значит, они правы, те, кто говорит про тень.

– Не знаю, я не видела. Но девочку от смерти верной защитить могло лишь чудо.

– Парни, что осколки гетерантеры²⁷ каменной убирали, рассказывают, будто листья её напрочь все обломаны, а крови почти нигде. Но я точно знаю, что они как бритва острые и крепкие. Я же раньше по хозяйству помогал. Мне их не один раз чистить приходилось.

²⁷ Гетерантера остролистная – тропическое водяное растение, произрастает в болотах и водоёмах со стоячей водой.

– Знаешь, Патрик. Я бы на твоём месте меньше обо всем этом болтала. Мадам давно не появлялась в мире как дракон. Кто знает, как она на все эти шептания посмотрит...

– А Вы видели её такой? Вы ж её давно знаете.

– Видела, и хватит об этом.

За дверью вновь послышались шаги. Дробный стук девичьих каблучков гулким эхом разнёсся по тоннелю, возвещая о приближении ещё двух визитёров.

– Мадам Лори, доброй ночи. Вы не спуститесь в десятый дортуар²⁸? У одной из nereид²⁹ истерика. Ей что-то там прикидилось. Мне кажется, необходима Ваша помощь.

– Хорошо, пойдёмте, – голос феяри Ларисы звучал тускло и устало. – Патрик, никуда не уходи. Мало ли кому ещё, что понадобится.

– Не волнуйтесь, я свою работу знаю, – отозвался тритон. Он немного постоял у входа в лазарет, провожая взглядом удаляющихся дам, прислушался к дыханию спящей берегини за неплотно закрытой дверью и нырнул в медпункт. Влада с Никой выдохнули.

– Кошмар. У меня всё тело затекло, – Влада осторожно выглянула из-под кровати.

– Надо быстро делать ноги, – отозвалась с другого края Ника. Она уже стояла в полный рост. Сняв башмаки, в одних чулках, водяница приблизилась к чуть освещенной щели

²⁸ Дортуар – общая спальня для учащихся в закрытых учебных заведениях.

²⁹ Нереида – в греческой мифологии: морская нимфа.

между дверью и стеной. – Давай попробуем пройти тихонько мимо этого болвана.

Влада одобрительно кивнула, и Ника потянула дверь на себя. Им повезло. Патрик, напевая тихо что-то под нос, заваривал чай в маленьком, пузатом чайничке. Медбрат был увлечён этим процессом так, что не заметил две тоненькие девичьи фигурки, проскользнувшие за его спиной по коридору.

Лишь одолев почти три четверти пути, спустившись с лестницы на свой жилой этаж, подружки вновь обулись и, переведя дыхание, пошли спокойным шагом. Десятый дортуар, где спали греческие нимфы, располагался в левом крыле, их же комнаты были направо от парадной лестницы. Так, что суета с истерикой гречанки подружкам оказалась только на руку. Все дежурные и классные дамы находились, судя по звукам, сейчас там. Путь в спальню был открыт.

– Что ты обо всём этом скажешь?

– Ничего, – отозвалась Влада на вопрос подружки. Девушки торопливо раздевались, готовясь ко сну.

– А вдруг Майя не проснётся? Вдруг её заколдовали? Чего ради она вместе с директрисой на эту верхотуру полезла?

– Давай спать, Ника, – что гадать попусту. – Завтра, если хочешь, напрямую подойдём к Мадам и всё спросим.

– А не врешь? Так и подойдёшь запросто?

Влада молча, пожала плечами. Потушила свет и забралась в кровать.

– Может и забоюсь. А только спросить надо будет. Мы же вместе приехали. Хотя бы из вежливости должны узнать, что там и как. Но лучше бы Майя поправилась, и сама вернулась.

– Это точно, – отозвалась Ника сквозь сон.

Поутру берегинь разбудил стук в дверь. Из медчасти пришла старая сиделка за одеждой для мадмуазель Майорики. Это был хороший знак и девушки с надеждой поспешили на рассветную песню, а потом на завтрак. Но подружка так и не пришла в трапезион. Мелюзины тоже не было.

– Ну и что теперь прикажешь делать? – проворчала Ника, направляясь вместе с классом на урок хореографии.

– Надо попросить Алексо отпустить нас. Он добрый, он поймёт.

Сказано – сделано. Обогнав в строю сокурсниц тех, кто отделял их от франтоватого финфлока, Ника с Владой приноровили шаг к скользящим движениям учителя.

– Добрый день, господин ментор, – Ника заглянула в его улыбчивые серые глаза. – Мы сегодня будем новые фигуры учить или повторять изученные раньше танцы?

– А как бы Вы хотели, мадмуазель Вероника?

– О, по мне так лучше новые! Но вот как раз сегодня...

– А что сегодня?

– Отпустите нас сегодня не надолго с урока, господин Алексо, – взяла инициативу в свои руки Влада. – Мы хотим проведать Майю. Мы очень беспокоимся о её здоровье.

Финфлок остановился. Брови его поползли вверх. Он развёл руками, оглядываясь на замерших за ним учениц. Водяные девы с интересом ждали продолжения беседы.

– В нашей школе не приветствуется нарушение режима дня.

– Но ведь это исключительный случай. Господин учитель, нам очень надо её увидеть. Отпустите нас, пожалуйста.

Молодой профессор танцев удручённо покачал головой и снова двинулся в сторону класса. По дороге он что-то бормотал себе под нос. Наконец, у двери в кабинет он обернулся и сказал громко:

– Мадмуазель Вероника, мадмуазель Владислава, я забыл в учительской свой план урока. Прошу вас, окажите мне любезность и сходите за ним.

Берегини сделали почтительный книксен и, сияя от счастья, поспешили в сторону парадной лестницы. Лазарет был по пути в учительскую, так что они вполне могли сначала заскочить туда и справиться о состоянии подружки, но это не понадобилось. Первая кого они увидели на верхнем этаже, была их Майя.

– Боже мой! Как здорово! Тебя выписали уже? – защебетали они, – Ты в класс идёшь или в спальню? Что вообще с тобой было?

– Тише, тише, – отбивалась от их поцелуев и объятий Майя, – задушили совсем.

Берегини разомкнули руки и во все глаза глядели на неё.

– Вы вообще-то, как тут оказались?

– Это очень хороший вопрос, – раздался голос за спиной у девушек. – Насколько я знаю, у группы «Бетта» сейчас идёт урок.

В глубине коридора величественно расправив плечи и вскинув голову, стояла директриса. Судя по всему, слухи о её болезни были сильно преувеличены.

– Подойдите все сюда.

Девушки приблизились и поклонились.

– Это Ваше, мадмуазель Вероника, – Мадам протянула нарушительницам дисциплины и порядка мятый кружевной платок. Майя недоумённо посмотрела на подругу. Ника протянула руку за уликой и взглянула в глаза тётушке. Холодок пробежал у берегини по спине.

– Следуйте за мной все трое, – Мелюзина отбросила в сторону шлейф, развернулась и стремительно зашагала вглубь учительского этажа. Берегини, переглядываясь, поспешили за ней. Возле входа в учительскую Мадам остановилась. Она распахнула перед девушками дверь и вошла следом. Директриса села во главе длинного стола и указала ученицам на стулья вдоль стены.

– Ну и что вас привело на верхний этаж? – директриса, не мигая, смотрела на воспитанниц. – Какой у вас сейчас урок, мадмуазель Влада?

– Хореография, урок танцев, Мадам. Ментор Алексо оставил здесь конспект урока. Он поручил нам сходить за

папкой, – Влада кивнула в сторону синей папочки, лежащей на краю стола, искренне надеясь, что это действительно концерт урока танцев.

Директриса постучала ноготками по столешнице.

– Что ж, берите её и несите педагогу. С ним я разберусь потом.

– Извините, Мадам, можно я спрошу? – подала вдруг голос Майя, – Может, лучше пусть они останутся. Они тоже с морской магией справляются не очень. Было бы так хорошо, если бы мы все вместе сдали Вам экзамен и домой вернулись.

– Нет, мадмуазель Майорика, такую честь как дополнительный урок со мной они ещё не заслужили, – директриса засмеялась так недобро, что мурашки снова побежали по спине у Ники. Немигающие чёрные глаза переместились с Майи на её подруг. – Что вы скажете на это, берегини?

Влада робко встала. Она сильно побледнела, но ничем другим не показала свой испуг или волнение.

– Думаю, что если Майя хочет, чтобы мы остались, то нам лучше быть с ней рядом. Мы не разлучались тридцать лет, и наш дедушка не зря нас вместе всех отправил.

– Что ж, похвальный героизм, но абсолютно ненужный. Всё чему вас следовало научить, вы двое уже вызубрили, а вот сестрица ваша дело портит. Но я постараюсь устранить проблему, что мешает ей, учится на «отлично». И да, пожалуйста, потренироваться в дополнительное время можете все вместе. Я распоряжусь, чтоб вам открыли кабинет.

– Ну, тогда мы, может быть, пойдём?

– И папку не забудьте.

Майя проводила взглядом ступавшихся совсем подруг и повернулась к Мелюзине.

– Наш урок пройдёт здесь?

– Нет, в моих покоях, – фейри встала. – Как ты чувствуешь себя сегодня? Может, лучше отложить это на пару дней?

– Я в порядке. Только не помню, как мы вышли. Ничего не помню до того момента в больнице. – Майя тоже поднялась. – Мне нужно будет в лазарет потом вернуться, да? Мадам Лариса так сказала.

– Что касается здоровья учениц, то ей видней. Я с ней не спорю, – Мелюзина вытащила ключ и отперла один из множества шкафов, стоящих в кабинете. Прошу ко мне в лабораторию.

За дверцей шкафа была пустота. Нет, это был не просто пустой шкаф, это была именно пустота, ничто наполненное серой мутой.

– Ну и чего ты испугалась? – вскинула бровь фейри. – Обычный перенос, просто не вижу надобности украшать его иллюзией. Им кроме самых близких мне людей пройти никто не может, а уж они-то точно знают, что их ждёт там радужный приём.

Мелюзина взяла Майю за руку и затолкнула в шкаф, сама шагнула следом и, плотно закрыв дверь, провернула ключ изнутри. Лишь только она вынула его из скважины, туман

исчез. Они стояли в центре комнаты, которая, должно быть, находилась не в воде. В одной из стен было проделано огромное окно. За ним виднелись голые верхушки тополей, а дальше расстилалось море, синее бескрайнее. Сегодня было солнечно, и лёгкий ветер гнал по нему мелкие барашки волн. Майя не видела моря днём уже несколько недель. Осенью в школе были тренировки на поверхности, но с наступлением зимы, водяницы ушли на дно, как это принято почти везде на свете.

– Я люблю бывать здесь на закате. – Мелюзина тихо подошла к Майе, вглядывающейся в морскую даль. – Сказывается происхождение. Ты же знаешь, что мне доступны и другие стихии, а не только вода?

– Да я слышала, Вы умели летать.

– Почему умела? Я и сейчас умею, – фейри засмеялась. – Талант, его, знаешь ли, не пропьёшь и в землю не зароешь.

– Но Вы же этот дар не демонстрируете.

– Да, небезопасно стало. Самолётов развелось, радаров, спутников. Но иногда я всё-таки летаю. А теперь давай приступим к упражнениям. Иди со мной.

Фейри поставила на стол набор для ворожбы, как на экзамене и села на один из жёстких стульев. Майя заняла второй, сложила руки на коленях и приготовилась внимательно слушать. Мелюзина, однако, не спешила объяснять.

– Начинай, я буду поправлять тебя, когда ты сделаешь ошибку.

– Но ведь у меня нет заготовок заклинаний.

– То есть, у тебя нет никаких шпаргалок, никаких костылей, подпорок. Ну, а может они тебе вовсе и не нужны? Может нужно просто довериться своему чутью и опыту. Импровизируй. Представь, что оттого ты сделаешь заклинание зависит жизнь твоих близких и действуй по обстоятельствам.

Майя с сомнением покачала головой, но всё-таки взяла конверт с первым заданием.

– Двадцать минут! Да что вообще можно сделать за двадцать минут?

– Да, действительно двадцать минут – это много. Там должно быть опечатка. В жизни нам даётся на принятие решений чаша всего секунд двадцать, а то и меньше. Но попробуй сделать так, как там написано. Время пошло, – фейри перевернула колбу песочных часов, и золотистая струйка потекла вниз.

Майя, сдвинув брови, принялась переставлять, входящие в экзаменационный набор ингредиенты. Отложила пару камешков, ракушек, корень мальвы, кости краба, перья чайки и бакланов, зуб акулы. Взвесила, их все измерила и занесла параметры в таблицу. Потом бережно протёрла жертвенник из желтого песчаника, установила его точно параллельно полу. Всё это время в голове её крутились связки формул, колдовских клише, в которые ей следовало вставить данные задачи. Берегиня ощущала, что возможно ей и впрямь удастся уложиться в отведённое на всё про всё время. Но лишь толь-

ко она приготовилась плеснуть на камень воду, Мелюзина стукнула легонько в гонг.

– Время вышло.

– Я же сразу говорила, что это бред. Нельзя всё это сделать за двадцать минут, – выпалила берегиня и испуганно прикрыла рот ладошкой.

– Так, как ты делаешь, точно нельзя, – усмехнулась Мелюзина, – но вообще-то можно. Можно даже гораздо быстрее. Я думаю, ты можешь это сделать минут за пять, но давай попробуем за десять. Бери другой конверт.

Майя взяла следующее задание. Нерешительно крутя его в руках, она спросила:

– Что я делаю не так?

– Да всё так. Вас так учили. И лет через пять упорных тренировок каждая из вас прекрасно справится с заданием. Но тебе это не надо. Ты в отличие от большинства обладаешь уникальными способностями к творчеству. Ты бунтарь, в тебе есть дар эмпатии, и ты готова рисковать. Используй этот бонус.

– Как?

– Ну, вас же учат создавать ментальные проекции и карты. Ты зачем решила измерять весь этот хлам? Подобрать хотела подходящие для формул?

– Нет, я формулы под них подстраивала. Так быстрее.

– Ну, а обойтись совсем без этих формул ты не пробовала? Или, может быть, без камешков и перьев? Попытайся вы-

пустить свой дар на волю. Не держи его в колодках. Открой конверт. Импровизируй. – Мелюзина встала, подошла к другим часам. – Ты готова?

Майя нехотя кивнула, и песок опять потёк вниз, отмеряя отведённое на испытанье время. Девушка прочла задание, окинула глазами стол и поняла, что большей части нужных ей ингредиентов нет вообще. Она зажмурилась.

«Так... Что там говорилось про ментальные проекции? Их нужно вставить в формулы», – у Майи выступили бисеринки пота на висках. Помогая себе пассами рук, она чертила мысленно над жертвенником сложные узоры рун. Когда громада заклинанья была сложена, и оставалось её только опустить на камень, берегиня разомкнула веки. Мелюзина была близко-близко. Тётушка, склонившись, пристально следила за работой Майи.

– Не спеши, не дёргайся, – сказала она хриплым голосом.

Майя взяла склянку с морской водой, машинально обмахнула камень ещё раз и принялась, читая нараспев слова, лить её тонкой струйкой по воображаемым узорам пентаграмм. Первый ярус, самый нижний, соединил предметы тверди земной, второй ярус – растения, третий – животные, и наконец, четвёртый, символизирующий воздух, переплетался с перьями, глазами и сердцами птиц. Тут Майя вдруг запнулась.

– Я не знаю, как создать ментальную проекцию того, чего не видела, – сказала она тихо. Песок в чаше часов пересы-

пался уже весь вниз, но Мелюзина не спешила подавать сигнал об окончании урока.

– Посмотри, возможно, что-то из необходимого есть под рукой.

Майя покачала головой.

– Ну, тогда есть верный способ. Он хоть и рискованный, но если надо, можно бросить в ход все резервы. Твоя кровь заменит то, что негде взять.

Майя вытащила из банки острую иглу морского ежа и наколола палец. Завершив узор водой и кровью, она выговорила последние слова заклятья и обессилено откинулась на спинку стула.

– Ничего не получилось, – выдохнула она.

– Ну отчего же, – Мелюзина всматривалась в мокрые разводы на камне. – В принципе неплохо, для первого раза. Есть пара ошибок в линиях и несколько предметов смазаны. За чем-то представляла себе зайца целиком. А там насколько помню, только лапка по условиям. С морским коньком, что-то не получилось и с моллюском. Это не та ракушка. Ты не учишь биологию?

– Учу.

– Учи усердней. Это видишь ли – залог успеха. На сегодня всё. Ступай к Мадам Ларисе. Я напишу ей, чтобы она сделала тебе коктейль. Восстановишь силы, и продолжим завтра.

– Значит, я останусь в лазарете?

– На мой взгляд, в этом особой нет нужды, но если она

так решит, то, разумеется, останешься. Учебники и платье тебе принесут.

Майя аккуратно убрала всё на столе и нерешительно направилась к помосту в центре комнаты, который связан был порталом с серым шкафом.

– Постой, возьми записку. – Мелюзина помахала тоненьким листком бумаги, чтобы чернила высохли быстрее, и протянула её Майе. – Ты, правда, молодец сегодня. У тебя почти всё получилось. Завтра я надеюсь видеть тебя в лучшей форме. Посмотри описания всех основных ингредиентов. Хорошо, конечно, было бы потрогать и понюхать их, но это не сегодня.

Фейри вытащила ключ, и первая ступила на помост. Взяв Майю за руку, она открыла переход, затем и дверцу шкафа.

– Ты найдёшь сама дорогу или проводить?

– Я, наверно, справлюсь. До свидания, Мадам, – водяница присела в книксене.

– До завтра. Жду тебя здесь в то же время. И будь любезна, приходи одна.

Дверь шкафа тихо затворилась. Майя, тяжело вздохнув, покинула учительскую и побрела в больничное крыло. На почтительном расстоянии от неё следовал старенький замшелый краб.

Глава 7

Реальность

«Кто бы мог подумать, что езда на лошади столь утомительна», – мрачно думал я, сидя в сумке, притороченной к седлу Карлуши. – «Если б раньше знал, так ни по чём бы не стал упрашивать деда взять меня с собой в Ольховку к этому нотариусу. Пусть бы без меня сделку заключали».

Проглотив подкатившийся к горлу горький комок, я попробовал улечься поудобнее. Не тут-то было. Сумка, а вернее армейский вещмешок деда явно не был приспособлен для комфортной перевозки благородных домашних животных. Как я ни крутился, лапы всё равно оказывались выше головы, в бок больно упиралась лука седла, застарелый запах табака терзал мой нежный нос. Я держался из последних сил, чтобы не заорать и не вцепиться в бок коняги. Разумом я понимал, что Карлуша ну ни в чём не виноват, но вот инстинкты мои восставали против столь пренебрежительного отношения к моей персоне.

Наконец, не выдержав, я высунул наружу морду. Каково же было моё удивление, когда вместо оживлённых улиц моим глазам явился утопающий в сугробах зимний лес. Причём как раз та часть его, что была мной вдоль и поперек из-

лазана и избегана.

– Это что, такая шутка? – обратился я, почти рыдая, к Егору Гавриловичу. – Мы что, целый час по кругу ездим?

Дед покрепче взял поводья и ответил мне с ленцой:

– А с чего ты взял?

– Как с чего? – я принялся карабкаться наружу из мешка. – Едем, едем, а никак на место не приедем!

– Эк, ты, братец, совсем избаловался, – засмеялся дед, – Всё бы тебе прыг-скок легкоступом³⁰ летать.

Он протянул ко мне ручищу в тёплой рукавице, вынул за закрывок из мешка и усадил перед собой в седло.

– Сиди смирно, а не то обратно запихну.

Я притих и крепче уцепился за седло когтями. На свежем воздухе мне вроде полегчало, но сидеть было и так ужасно неудобно. Я стал прикидывать, как долго мы ещё будем в дороге, и сколько времени на тряской лошади приличный кот сможет просидеть смирно. Выходило, что такое уравнение корней общих не имеет. Необходимо было срочно поменять что-то в условиях задачи.

– А нельзя ли нам быстрее ехать? Или медленнее? Не знаю уж, что лучше будет, но чтоб только не так сильно трясло? – обернулся я к деду с вопросом. Тот лишь усмехнулся в усы и попридержал коня.

– Так Вас устроит, Ваше сиятельство? – поинтересовался он. – Ты, Василь, сразу бы сказал, что в путешествии намерен

³⁰ Легкоступ или дуновение – название телепортации у древних славян.

получить все тридцать три возможных удовольствия. Тогда б я заложил карету сообразно твоим требованиям.

Я смолчал. Решил, что для дискуссии моя позиция довольно слабая и неустойчивая. Зато дед, видать решил поговорить.

– Ну, вот что, кот учёный, – продолжал витиевато издеваться он, – поведай мне, рабу своему жалкому, зачем тебе понадобилось в град-столицу меня сопровождать? Что-то я не разобрал в твоём рассказе про избушку, или у тебя ещё какие-то дела в Ольховке есть?

– Нет у меня никаких дел там, – буркнул я, нахохлившись.

– А тогда, зачем ты со мной едешь? На нотариуса глянуть захотел или владельцем сруба этого интересуешься?

– Не знаю, может и нотариусом, только чую я, что надо мне с тобой поехать. Вот как хочешь, так и понимай это, Егор Гаврилович.

– Да про чутьё своё ты говорил уже. А что-нибудь ещё сказать не хочешь?

Я разозлился.

– Не хочу. Вот хоть в мешок сажай, хоть вовсе наземь ссаживай, а говорить тут больше не о чем. Я тебе всё про тот сруб, как есть всё, сразу выложил. Ты меня не слушаешь и всё равно купить хочешь. Та вот я на эту куплю продажу своими глазами посмотреть хочу.

– Отговорить пытаешься?

– Не отговорить, а предостеречь. Не избу берём, ката в

мешке. Не знаю я, кто в ней живёт. Не считается в Изнанке эта аура. Есть там жилец и не один, а вот хороший он или злой, кто его знает. Мне представиться не вышел. На вопрос ни на один не ответил. Что я тебе ещё сказать могу. Нехорошая избушка, мутная.

– Ладно, Вась, поглядим. Может оно и не страшно вовсе это твоё Лихо одноглазое. – Сплюнул дед Егор для очистки совести через плечо, тронул поводья и опять пустил Карлушу вскачь. Начались мои мученья снова. Да только сжалился он надо мной через минут пять. Расстегнул ворот тулупчика и засунул за пазуху, только голова осталась торчать. Я аж замурлыкал от тепла и уюта. Потоптался чуть, пристраиваясь мордой вперёд, и запел. Дед подхватил затянутый мной мотив и лес вокруг словно замер, уснул. Ещё бы не уснуть, когда ему Хранитель и Лесник колыбельную в два голоса поют.

При въезде в Ольховку хозяин снова спрятал меня в мешок, чтобы расспросов лишних избежать, как он изволил выразиться. Я спорить сильно не стал. Решил на деле сфокусироваться. Как к сельсовету мы подъехали, так дедушка мешок со мной за спину забросил и, спешившись, Карлушу к изгороди повёл.

– Ну, всё, Хранитель, прибыли, – сказал он, привязывая поводья к широкой верхней жерди штакетника. – Машина его уже здесь. Значит и сам владелец на месте. Хочешь я с водителем пойду перекурю?

– Курить – здоровью вредить, – пробурчал я. – у меня тут

и без того дышать нечем.

– Всяк по-своему с нечистым духом борется, хмыкнул Егор Гаврилович и двинулся в сторону входа. На порожке отряхнул снег с сапог и вошёл в приёмную. Ирочка, секретарь главы сельского поселения, приветствовала нас по своему обыкновению радушно и радостно.

– Егор Гаврилович, день добрый, а Вас уже там ждут. Вам чайку заварить или кофе?

– Мне чайку.

– А мне кофе. И сливок отдельно можно побольше, – промурлыкал я, за что тут же получил от деда тычок локтем под рёбра. Ну что за несправедливость такая. Я Ирочку, тоже хорошо знаю. Уверен, она была бы рада со мной кофе попить.

Дедушка пристроил меня в уголок у двери, снял тулуп, повесил его на предложенные секретаршей плечики и чинно зашагал по коридору в кабинет нотариуса. Я приготовился последовать за ним. Улучив момент, когда Ирочка отвернётся, я мгновенно выскочил из вещмешка и прошмыгнул следом за дедом в кабинет. Прятаться там было особо негде, потому я просто сел под стол нотариуса. Три пары ног окружали меня и довольно красноречиво говорили о своих владельцах. Дедовы сапоги в каких-то комментариях не нуждались. Башмаки и брюки в центре явно принадлежали сельскому нотариусу. Это был немолодой человек, явно обременённый семейными проблемами и, возможно, пьющий. В доме у него жили две кошки и какой-то мелкий пёсик. Никаких Навых

жильцов в его квартире не имелось, так что всё своё внимание я сфокусировал на третьей паре ног.

Такие ноги в нашем захолустье встречались нечасто. Да, что там, я такие ноги до сих пор только по телевизору видел. Обтекаемой формы мыски чёрных ботинок пахли воском, кожей и десятком тысяч баксов. Последнее, конечно фигурально, но как иначе могла пахнуть обувь от Берлучи³¹. Захотелось потереться мордой об этот шедевр дизайнерской мысли, но я сдержал свой внутренний порыв и пригляделся к хозяину чудесных ботиков с Изнанки. Я умел так пристально всмотреться, что, не засыпая, видел, то, что окружало мой объект внимания в Изнанке. Навники всегда за собой оставляют след. Я его своим нутром кошачьим чую. Распознать могу не всегда, но вот учуять – это запросто. Над ботинками явно трудился домовый. Причём не наш, а европейский Кобальд, так что сразу стало ясно, от чего так завораживает взгляд глубокий чёрный цвет модельной обуви. Вот значит, в чём секрет огромной популярности бренда. Ну да это меня не касается, какие там, у Кобальдов дела с сапожниками. Носки и брюки тоже были дорогими, и очень новыми, как будто куплены нарочно перед встречей с нами. Даже магазинный дух ещё не выветрился. Странно. Мне казалось, что богатые люди носят только после прачечной одежду. Из-за явной новизны костюма, выяснить о жизни человека, что си-

³¹ Туфли Berluti шьются вручную из специальной кожи Venezia, затем патинируются – для достижения глубоких оттенков цвета.

дел в этом костюме, что-нибудь особенное не было возможности, и я вернулся в Явь. Прислушался к неспешным разговорам за столом. Приветствиями стороны уже обменялись и теперь обсуждали детали сделки. Собственно говоря, детали излагал нотариус, а остальные слушали

– Данный объект, именуемый в дальнейшем дом, снят с регистрационного и кадастрового учета и передаётся в собственность ООО «Старая мельница», как объект старины для экспозиции в историко-этнографическом центре «Русское подворье». Продавец гарантирует, что на дату заключения Договора дом принадлежит Продавцу на праве собственности, в споре и под арестом не состоит, не является предметом залога, не обременен правами третьих лиц. – Нотариус закашлялся, выпил воды и продолжил чтение.

«Не обременён правами третьих лиц, значит. По законам Яви может всё и так, а вот в Нави всё может и не быть так просто», – шевельнул усами я. – «Как же защититься нам от этих третьих лиц?»

– Риски, связанные со случайной гибелью или повреждением дома, до момента их передачи Покупателю по Передаточному акту несёт Продавец. Со дня передачи дома Покупателю по Передаточному акту риски, связанные со случайной гибелью или повреждением дома, несёт Покупатель, если только не будет доказано, что гибель или повреждение дома произошли по вине Продавца.

«А ведь это вариант! Если домик лишь на Навьей силе

держится, то его до заключения Передаточного акта освятить нужно. Очень даже символично будет. Пиар вокруг этого построим. Прессу опять же позовём», – я потрогал ладью голенище сапога деда Егора. Он спустил ко мне ладонь. Я тут же замурчал, запел ему свою идею. Дескать, в контракт отдельный пункт об освящении нужно включить. Службу за наш счёт проводим, а потом уж только демонтаж начинаем.

Егор Гаврилович дослушал до конца нотариуса. Когда тот уже на подпись документ подал, попросил мою поправочку внести. Продавец весь подобрался, разозлился сильно. Я такие вещи хорошо чую. От людей, когда они так злятся, словно искры летят электрические. Даже воздух вокруг потрескивает. Нотариус, конечно, стал втолковывать деду, что такие детали можно и не вписывать в бумаги, но Егор Гаврилович упёрся. Он ведь тоже не слепой, видит, как владелец сруба нервничать стал.

Атмосферу разрядила Ирочка. Она пришла с подносом, на который выложила и печенье, и конфетки, чай для бабушки и кофе для других участников переговоров. Тут я решил, что моя миссия окончена и вынырнул из-под стола.

– Ой, котик! – восхитилась она мной, – Откуда ты здесь взялся, милый?

– Это мой, – ответил дед, обмакивая в чашку ус, – Из сумки видно вылез шельмец. К ветеринару везу.

– Кастрировать? – спросил тип в кожаных Берлучи, и я воззрился на него с негодованием. Теперь его мне было вид-

но целиком, и я решил, что дедушка был прав, не доверяя ему в этой сделке. Ну не может такой холёный городской хлыщ, в таких ужасно дорогих и модных шмотках пытаться втюхать за бесценок старый дом какому-то провинциальному музею. Да денег, что он выручит сегодня и на пуговицу от его рубашки не хватит.

– Бедняжка! Бедный котик, – Ирочка взяла меня на ручки, – Егор Гаврилович, не ожидала я от Вас. А можно я ему немножко сливок дам. Ну, чтоб он всё-таки не так расстраивался.

Дед пожал плечами.

– Дайте, Ирочка, я правда думаю, что это ему мало чем поможет. И Вы поосторожней с этим типом. Он у нас спец по разбиванию сердец.

– Стих получился, – подал голос нотариус, – у Вас стих получился спец – сердец. Рифма.

– Может, мы к предмету договора от кота вернёмся, – предложил нетерпеливо тип в Берлучи. – У меня сегодня ещё дел по горло.

Ирочка закрыла дверь и, ласково поглаживая, отнесла меня в приёмную. Там она налила мне сливок и принялась раскладывать по папкам разные бумажки на столе. Я быстро расправился с приятным угощением и начал мыть усы. Из кабинета вышел встрёпанный нотариус. Должно быть, к соглашению они всё же пришли, поскольку он потребовал, чтоб Ирочка открыла документ и внесла в него ещё два пунк-

та. Два? Как же два, когда один был?

Я тихонько вспрыгнул на рабочий стол и стал заглядывать, что там, в компьютере, у Ирочки творится.

– Нет, киска, нет. Тебе сюда нельзя, – девушка с улыбкой опустила меня на пол. Через минуту принтер загудел и выплюнул наружу несколько листков. Нотариус скрепил их степлером и снова скрылся у себя за дверью.

– Вот так и мучайся, теперь от любопытства, – сказал я сам себе. Но Леночка решила, что я плачу в предчувствии ужасных перемен в моей судьбе. Она ласкала и чесала меня до тех пор, пока Егор Гаврилович не вышел и не начал одеваться. Модный тип, к тому времени уже покинул нас, других посетителей в конторе не было, и девушка предприняла ещё одну попытку для спасенья моего котова естества.

– Егор Гаврилович, Вы понимаете, как это плохо отразится на его здоровье? Какой букет болезней за собою это повлечёт? Он станет толстым и ленивым.

Дед Егор сгрёб меня у неё из рук и засунул в вещмешок.

– Конечно, понимаю, милая. Жаль он этого понять не хочет. – Для выразительности дед ещё потряхнул мешком так, что я совсем запутался внутри в своих конечностях и высказал свой искренний протест довольно громко и весьма презрительно.

Что ж он ещё попросит у меня прощенья. Я задумался, как лучше отомстить ему. Тем временем мешок с моей персоной опять был прикреплён к седлу. Дед сел верхом и тронулся

размеренным, неспешным шагом. Он то и дело останавливал Карлушу, разговаривал о чём-то с встречными знакомцами, должно быть из желания позлить меня побольше. И как это мы раньше с ним дружили... Я вздохнул.

Наконец мы выехали из деревни. Догадался я об этом по тому, как поменялся шаг Карлуши. Мерин теперь снова бежал ровной стелющейся рысью. И меня качало как на палубе морского корабля. Попытавшись выбраться, я обнаружил, что тесемки вещмешка затянуты внахлест, и выбраться из тряпочной тюрьмы возможно лишь вспоров её когтями. Я принялся драть ткань и орать, но дед внимания на то не обратил, и лишь когда я выдохся совсем, он сбавил ход и вскоре вовсе остановился.

– Артемий, где ты есть? – раздался его зычный голос.

– Иду, иду Егор Гаврилович. Сейчас. – ответили ему откуда-то издалека.

Мешок опять пришёл в движение. Я понял, что меня отвязывают. «Да неужто впрямь меня к ветеринару приволок... Вот ведь подлец какой!» – Я истово забился, даже попытался укунить деда, когда он из мешка меня вытряхивал. Очувтившись на свободе, я приготовился принять бой и дорого отдать свою жизнь, прижал уши, издал воинственный вой. Но вокруг меня были не белые больничные стены, а изрытый множеством следов машин, людей и нелюдей снег. То тут, то там я натыкался взглядом на те самые объекты, что оставили все эти следы. Их было много, и они похоже проявляли ко

мне явный интерес.

– Экий он злющий, этот твой Хранитель, – сказал один из них противным дребезжащим голосом. – Чегой-то ты его Гаврилыч в мешке возишь? Он тебя, что совсем не слушается?

– Слушается, Артемий Петрович, слушается. – смеётся дед. – Ты ж меня слушаешься, Вась? Ну, хотя бы иногда? Да?

Я затравленно огляделся. Место было мне как будто не знакомо, но в нём чувствовался запах леса и реки, к которым я привык. Тихонько чтоб проверить лапы я попятился. Никто не стал мешать мне. Дедушка ушёл в сторонку и о чём-то оживлённо говорил с седым плюгавым мужичком в лохматой серой шапке. В ветеринары таких не берут это точно. Все ветеринары, что я видел, были дюжими, зловещего вида мужиками с огромными лапищами. Иначе бы им нипочём не удалось меня скрутить и всякие ужасные манипуляции со мной проделывать. Я несколько остыл. Пока что мы с Карлушей никого не интересовали. На всякий случай я отходить от мерина не стал, сел у него под пузом, как-никак, а укрытие.

Егор Гаврилович наговорился с дедком и пошёл куда-то в сторону двух здоровенных сараев. Дедок ещё немного потоптался в стороне и двинулся к нам. Я вздыбил шерсть. Пусть знает, что так просто я не сдамся. Но ушанка деда, словно заяц проскакала мимо. Дедок забавно припадал на одном шаге к земле и подскакивал на следующем. Я пригляделся, вроде не хромой. Чего ж так ходит странно... Проводив глазами

странного хозяина ушастой шапки, я немного осмелел и решил выяснить, куда же это завёз меня Егор Гаврилович?

Кроме подмеченных мной двух сараев, был ещё крошечный домик у опушки, окружённый легковыми автомобилями разных моделей и размеров. Слева от домишки в лес уходила наезженная проселочная дорога. Дорогу перекрывал шлагбаум. Значит не просто лес, а охраняемая территория. Я поглядел в другую сторону. Там велась стройка, и ушастый дед уже скакал среди строительных лесов и техники. А за строительством стелилась серой лентой гладь закованной в лед речки.

«Чернушка», – понял я, и тут всё стало на свои места. – «На стройку меня дед Егор привёз, на стройку. И не сказал ведь. Знал, как я обрадуюсь, и не сказал».

Я подскочил на все четыре лапы и рванул к реке. Успеть бы осмотреть всё, пока дедушка домой не соберётся. С осени, когда я был здесь последний раз, у старой мельничной плотины многое успело измениться. Саму плотину укрепили, сделали задвижку хитрую для спуска лишней воды в паводок. Поверх плотины проложили мостик. Это мне понравилось. Под мельницу и гостевой дом возвели фундамент, даже цокольный этаж из камня сложили. Сойдёт снег и за месяц сруб над ним поставят. Новоселье можно праздновать.

– Ну что, Хранитель, принимай работу, – надо мной опять раздался дребезжащий голос. Старичок в ушанке стоял рядом и весёлыми, голубыми глазами пялился на меня. И тут

до меня враз дошло, что если он меня Хранителем зовёт, то никакой он не старик, вернее не просто старик.

– День добрый, с кем имею честь? – спросил я его хмуро.

– Артемий Петрович Заяц, бригадир артели, что хоромы водяные строит.

Я опять опешил.

– Какие хоромы?

– Водяные. Как Дедушка Водяной заказывал, так и построили. Уже почитай, как всю отделку сделали, осталось воду запустить и можно заселяться будет. Глядеть не будете?

– А можно? – глупо ухмыльнулся я.

– Егор Гаврилович велел, Вам всё тут показать, так что пойдёте, провожу, – и Заяц поскакал в сторону дома гостевого. – Мы пока только два этажа и сделали. Потом как водники заселятся, они нам с верхней частью помогать будут. Знаете ли, очень всё не просто напридумывала Василина Егоровна. В наше время так не строили. Но на то она и Василиса Премудрая.

Дедок трескуче засмеялся, обнажив крупные белые зубы. «Заяц, он и есть заяц», – подумал я, а вслух сказал.

– И чем же водники вам помогают?

– Ну, на первых порах, они много помогли. Котлован соорудить, укрепить его, зацементировать. На возведении стен и плотины тоже трудились. Знаете, как сваи глубоко вогнали, не на день построено, на века. А мы вообще здесь больше по отделочной части, по красоте так сказать рукотворной

специалисты. Так идёмте же, господин Кот, я Вам сейчас покажу.

Я спустился вместе с дедком в цокольный этаж. Здесь было чисто, сухо и тепло.

– Протапливаем слегка, – словно прочёл мои мысли дед Артемий, – Полы, как Василина Егоровна велела, везде тёплые. Ну, с подогревом, то есть. Бойлерную как поставили, так сразу и протапливаем. В холоде работать многим нельзя. Из южных стан специалистов повыписывали.

Он открыл дверь в следующую комнату, и я понял, что чудеса здесь только начинаются. Всё, что заставило меня тащить с открытым ртом по сторонам, творили в этой мастерской. В центре стояла муфельная печь. Вокруг на трёх больших столах лежали заготовки под оконные и дверные витражи, стекло простое и витражное, кусочки смальты, молотки, горелки. Среди всех этих чудес сновали огненные джинны и пери³².

– Нелегалы. Гастарбайтеры, – ахнул я и с ужасом почувствовал, как загорелась у меня земля под ногами. Вернее, под лапами. – Как же так, вы, почему все регистрацию не получили? Я перед Правью как теперь ответ держать буду?

– Не бойсь, Хранитель, не узнает никто. Егор Гаврилович, нас тихо ввёз, тихо и вывезет. – сказал один из них, – Мы

³² Джинны – мужские духи в арабской мифологии. В доисламскую эпоху джинны почитались как боги. Пери – духи в виде прекрасных девушек в персидской мифологии.

никуда отсюда не показываемся, ни с кем чужим не видимся. Нам двести лет никто такой заказ не предлагал, мы по работе творческой жуть как соскучились. А тут гляди, какая красота будет.

Дух воспарил под потолок и потянул за собой вверх люстру. Цветные стёклышки играли и переливались всеми цветами радуги.

– Это мурано – Венецианское стекло, – сказала кареглазая девица. – Раньше такое только там делать можно было, где рецепт родился, а теперь гугл в помощь и твори, выдумывай, что хочешь. Хочешь, мы и тебе, рыженький, какую-нибудь штучку сделаем?

– Нет, не хочу. Хочу с Егором Гавриловичем поговорить. Очень хочу, – я сосчитал огненных духов и помчался дедушку разыскивать. Он обнаружился в сарае. Говорил с каким-то парнем возле брёвен горкой сложенных.

– Завтра последнюю партию леса привезут. Разложите на просушку, так чтоб с другим не перепутать. После масленой недели потепленье обещают, начнём потихоньку мельницу ставить.

– А не рано? Может, паводок пропустим, а уж потом и возведём красавицу. Не ровён час река раздуется и смоем напроць всё.

– За реку не волнуйся. Мы её умилючим. Нас паводок не тронет.

Парень покачал с сомнением головой, но спорить не стал.

Дедушка с улыбкой хитрой сел передо мной на корточки и поманил.

– Ну что, Вася, поглядел всё? Интересно у нас тут? Вижу, что понравилось. Идём-ка я тебе ещё что покажу. – Он поднял меня на руки и понёс вглубь лабиринта из досок и брёвен всех сортов и размеров. С другой стороны сарая тоже была дверь. Она вела в поветь, здесь пахло свежей стружкой и олифой.

– Ну, гляди, что наши плотники стругают.

Рядом с верстаками стояли два больших столба. Такими только в царском тереме стропила подпирать. Тут же лежали разные резные части перил, балясин, наличников на окна.

– Хорош дом гостевой будет, как думаешь, а Василь Василич?

– Дом-то хорош, а вот работники не очень. Ты почему их Егор Гаврилович официально на работу не принял? Почему они у тебя в подвале зиму всю живут?

– Ну, во-первых, они сами так решили, им чертям заморским лучше знать, как им жить. Во-вторых, они здесь волонтеры, а не работники. Так что трудоустройство им без надобности. В-третьих, они после масленицы уедут уже, и поминай, как звали.

– Но так же нельзя. Я же отметить их должен был.

– Вот и отметь. Отметь так, словно они вчера приехали. А через две недели домой вернуться. Всего-то и делов. И им хорошо и нам.

– А что они от нас за волонтерский труд получают? – не сдавался я.

– Да ничего, так, малость самую. Им Водяной часть своих цапек древних отдал. Ну, так оно и правильно. Они ему такую резиденцию в подвале сделали. Видал уже поди.

– Нет, не видал, не дошел немного.

– Вот и зря. Сходи всенепременно. Детям, внукам говорить об этом будешь ещё.

– Я лучше бы к Анчутке ходил...

– И то дело. Ну, пойдём, на шайтан-камень посмотрим.

– Туда что и эти азиаты ходят? Им же холодно снаружи, сказали.

– А они легкоступом прыгают. Туда-сюда. У камня-то тепло.

Я промолчал. Анчуткин камень, правда, не в пример другим ключ-камням тёплый был. Ни от кого не прятался, любой к нему мог подойти спокойно. Должно быть, часть души дружка моего в нём засела. Ну по крайней мере мне так думать нравилось.

«Как он меня сейчас примет?» – думал я, – «Ведь с сентября не виделись. Считай полгода прошло».

От повети дед повёл меня к реке и лишь у берега свернул на тропку. Снег здесь совсем нетронутый лежал. Сугробы чуть до пояса не доставали деду. Я семенил за дедушкиными сапогами и раздумывал, кто проложил здесь тропинку. Видно многих посетителей Анчутка зимой принял.

Наконец я ощутил его, затрепетал от радости и страха, нырнул меж ног у дедушки и во всю прыть вылетел на полянку. Именно, что на полянку. Снега вокруг камня метров на пять не было. Всю землю покрывал ковёр зеленой травки и синеньких первоцветов. Мелкие цветочки обрамляли серый камень, словно волны родной реки Анчутки.

– Как же так, а дедушка, как же так? Чудо-то какое.

– Чудо, говоришь? Конечно, чудо. Он им тепло даёт, а они к нему льнут, стелются. А ты спрашиваешь, что им здесь надо. Любовь у них.

– У кого? – не понял я.

– У друга твоего и пери огненных.

– Как у него любовь может быть? Он же помер?

– Как может быть, про то не знаю. А только сказывают, что каждый вечер, они песни ему тут поют, танцуют. И он отвечает им и ярко разгорается.

Я подошёл поближе к камню. Прыгнул и улёгся на вершущку, как, бывало, летом делал. Прикрыл глаза и потянулся к другу. Анчутка отзываться не спешил, не появлялось в памяти лицо проказливого беса. Я подождал немного и опять позвал. Камень заметно запульсировал, забил энергией, и я почувствовал, что вот он где-то рядом.

Дедушка из деликатности должно быть уж давно ушёл, а я лежал и пялился в пространство, где меж Явью и Изнанкой её – Навью, обитал мой лучший друг. В этой прослойке, такой тонкой, что и разглядеть нельзя, он прыгал, скалился

и строил мне смешные рожи. Он жил там, в моей памяти, и никаких влюблённых духов с ним там не наблюдалось.

Глава 8

Изнанка

– Нет, как вернулась, больше никуда не выходила. Спала, читала, даже ужинала в постели.

– И посетителей к ней не было?

– Никак нет, госпожа. Никого, – прошелестел в ответ краб.

– Спасибо, это всё. Ты можешь быть свободен.

– Всегда готов помочь Вам, госпожа директор.

Мелюзина встала из глубокого резного кресла и пошла к окну. Закат окрасил море в золотой и фиолетовый. «День будет завтра тёплый», – мысленно отметила она. Её работа отнимала много времени и сил. На то, чтоб любоваться морем или небом их у неё совсем не оставалось. Мадам не просто была директрисой школы, она была её сердцем, её мозгом, её двигателем и компьютером. Без Мелюзины школа встала бы. Здесь перестал бы зажигаться свет, здесь неоткуда было бы взяться воздуху в тоннелях. На кухне перестали бы гореть дрова, да и дрова, конечно, перестали бы являться в поленнице как по волшебству. Ведь волшебство, которое творила Мелюзина, кроме неё и совершить-то было бы некому.

– Я старая, никчёмная ведьма, никому ненужная, никого не воспитавшая так, чтобы он захотел разделить со мной эту

ношу, – подвела она итог своим раздумьям.

В дверь постучали. Это Лори, близкая подруга, не слуга. И всё-таки она стучится, никогда не входит просто так. Мадам открыла дверь. Лариса принесла с собой аптечку. Пора было заняться травмами, полученными в этом неудачном выходе из Выбора. Без Мелюзины девочка, конечно, умерла бы, скорее всего даже до земли не долетев.

– Как себя чувствуешь сегодня?

– Лучше.

Они невесело взглянули друг на друга и засмеялись.

– Тебе нужно в отпуск Мели. Ты совсем себя замучила. – Лариса расставляла на столе пузырьки со снадобьями. Ей не первый раз приходилось залечивать раны подруги, но сейчас это были не следы, оставленные копьями и стрелами, а что-то более глубокое, личное, словно Мелюзина ранила себя сама, причём глубоко ранила, в самое сердце.

– Ты прекрасно знаешь, что я не могу себе это позволить. И давай не будем начинать сначала, я не передам никому часть своих полномочий, пока не буду видеть в кандидате своего преемника, – фейри снова обменялись взглядами.

– Тебе не обязательно давать кому-то полномочия. Достаточно вменить в обязанности делать ту или иную работу за тебя.

– Нет, – Мелюзина поморщилась, – ты делаешь мне больно, Лори.

– Извини, повязка слиплась. Если бы ты согласилась по-

лежать денёк другой, то твои раны затянулись бы быстрее.

– Лори, как там эта девочка? Ты даёшь ей микстуру.

– Та девочка меня беспокоит гораздо меньше этой. У берегини всё в порядке. Завтра я отправлю её в класс.

– Нет, завтра утром у меня с ней будет ещё раз урок. Если не получится её раскрыть, тогда пусть идёт. Но если честно, у неё большой потенциал.

Лариса закончила разматывать бинты, сжимающие рёбра Мелюзины. Кровоподтёки и порезы на спине уже не ужасали своим видом, но до полного выздоровления было ещё довольно далеко. Врачевательница поджала губы и принялась обрабатывать спину подруги мазью, предварительно надев защитные перчатки. Снадобье из крови дракона впитывалось в кожу с лёгким шипением. В комнате запахло палёным. Глаза Мелюзины засветились. Зрачки сузились до узеньких щёлочек.

– Может тебе обернуться? Твой иммунитет взбодрится, и ты быстрее пойдёшь на поправку, – предложила Лори.

– Нет, мне нужен ясный ум и холодный рассудок. Я сейчас не могу поддаваться чувствам и эмоциям. А полёт наверняка меня толкнёт в водоворот страстей.

– И что такого ты нашла в этой девчонке? Что ты носишься с ней?

– Она сама вошла и вышла. Ты же знаешь, что это такое.

Лариса наложила новую тугую повязку, сняла перчатки и, молча, принялась убирать со стола. Мелюзина встала, наки-

нула шаль.

– Ты хочешь сделать её преемницей.

– Нет. Это невозможно. Она не потянет. Она только берегиня. Лори, не ищи в моих поступках то, чего нет. Просто, просто мне интересно узнать, зачем она это сделала, – Мелюзина обернулась к подруге. – Хочешь чаю? Давай попьём с тобой чайку, как раньше. Посидим, поболтаем.

Фейри расстелили под окном толстый плед, бросили на него подушки и одеяла. Мелюзина вскипятила воду и заварила чай. По комнате растёкся запах жасмина и мяты. Орешки в сахаре, рахат-лукум и прочие сладости заняли своё место между двух пиал. За окном зажглись зимние далёкие звёзды. Светлые и темные кудри волшебниц переплелись на их фоне словно спутанные облака.

– Жаль, что ты больше не летаешь, – промолвила Лори.

– Я летала два дня назад.

– Это не в счёт. Этот полёт был падением.

– Этот полёт был спасением.

– Вот это меня и беспокоит. До сих пор ты никого не спасала, Мели.

Майя сидела, склонившись над листком с заданием, внимательно вчитываясь в каждую строчку. Ей нужно запомнить всё точно. Ничего не перепутать. Ничего не забыть. Мелюзина с каждым разом усложняла задания всё больше и больше. Эти индивидуальные уроки отнимали у Майи все

силы. После второго занятия, директриса разрешила вернуться берегине к основной программе, но каждый вечер они ещё час занимались отдельно.

Возвращаясь к себе, Майя падала без сил в постель, позволяла подружкам расплести свои косы, отвечала тусклым голосом на все их причитания, что так надо и почти сразу засыпала. Иногда, если на уроке не приходилось применять магию крови, Майе хватало сил поболтать с подружками. Но сегодня будет явно не этот случай.

В заклинании задействовано столько новых предметов. Ну, откуда знать берегине из тёмного леса, что такое губка-лира³³ и как выглядит краб-йети³⁴.

– Майорика, быстрее, – силуэт Мелюзины на фоне окна выделялся чернильным пятном. – Вы готовитесь слишком долго.

– Я не справлюсь с этим заклинанием. Его проще написать кровью от начала до конца. Но я не выдержу. – Майя, развела руками. – Я не знаю, как быть.

– Учить лучше теорию. Что ты не можешь тут себе представить? Какие ментальные проекции у тебя под сомнением?

– Проще сказать, что не вызывает сомнений, – девушка взяла карандаш, подчеркнула в задании пару слов и отдала Мелюзине. Мадам мельком глянула и вновь уставилась в ок-

³³ Губка-лира – глубоководная хищная губка.

³⁴ Краб-йети – вид десятиногих ракообразных. Краб-йети покрыт многочисленными перистыми щетинками как мехом.

но.

– Хочешь научиться всему, что я знаю? – наконец задала она Майе вопрос.

Берегиня молчала. Фейри повернулась к ней и взяла её за руки. Мелюзина перебирала пальцы девушки. Исколотые, тонкие, холодные как льдинки на речке весной, они вызывали жалость и сострадание подруг, но у наставницы в душе породили лишь бурю негодования.

– Ты не стараешься, Майорика, ты не слушаешь, что я говорю. Отдавать себя целиком в ворожбе нельзя. Нужно минимализировать свои затраты. Иначе ты просто соришь. Ты можешь стать очень крутой волшебницей. Самой сильной из всех берегинь, что я знаю. Но для этого надо учиться. Долго учиться. Увидеть и познать суть всех вещей, что когда-нибудь могут быть использованы нами. Я могу научить тебя всему, но хочешь ли ты знать, что я знаю?

Берегиня склонила голову. Из глаз её заструились слёзы. Солёные капли падали на юбку и на стол, обжигали руки, стиснувшие бланк задания.

– А если я использую слёзы? Слёзы, а не кровь? Ведь есть много преданий об их чудодейственной силе, – Майя выпрямилась, с надеждой глядя на наставницу.

Мелюзина удивлённо подняла бровь.

– Это может наверно помочь, но чтоб собрать их нужно много стараний. Кто заплачет тебе столько, какая царевна Несмеяна? И ты не ответила на мой главный вопрос.

– Я хочу домой, Мадам, – вновь поникла головой Майя. – Я хочу сдать экзамен и вернуться домой.

– Ну, тогда наш урок завершён. Отправляйся к себе, ты готова к экзамену. Через пять дней полнолуние и твой выпускной бал.

– Вы уверены? Вы, правда, думаете, что я справлюсь? – щёки Майи разгорелись, глаза сияли.

– Справишься, конечно. Что там может быть сложного для тебя, не знаю.

– Ах, тётушка, – только и могла вымолвить Майя.

– Не благодари. Может, ты ещё пожалеешь, что я это тебе сказала. Может, станешь думать, что лучше б я силком тебя здесь держать стала, но насильно мил не будешь. Отправляйся к тому, что выбрало твоё сердце. Только помни, что любая магия тебе по плечу. И если ты захочешь, то всегда сможешь сделать Выбор.

Фейри подвела Майю к выходу и открыла дверь. Серая муть шкафчика последний раз выплюнула берегиню в пустую учительскую, и она словно майский ветерок побежала, полетела по тёмным коридорам школы к себе.

– Она сказала, я готова к экзамену! – задохнувшись от волнения, Майя замерла в дверях спальни. Ника с Владой разбирали жемчуг в коробке с рукоделием.

– Слышите! Она сказала, что я сдам экзамен! – Майя закружилась по комнате, запрокинув голову и закрыв глаза.

– Готова и сдашь, не одно и то же, – спустила её с небес на землю Влада.

– Да, ты права. Надо будет почитать ещё перед этим. Я столько всего не знаю. Я сегодня вообще сделать ничего не смогла, – берегиня схватила истрёпанный учебник и принялась отыскивать в нём описание морского паука.

Ника потянула у неё из рук книжку.

– Хватит на сегодня. Хватит. Убирайте всё. Никаких уроков и домашних заданий сегодня больше не будет.

– А что будет? – Влада завязала нитку жемчуга и закрыла коробку.

– Сказки. Сегодня будут сказки. Как у нас дома. Помните, когда бабушка собирала всех нас, малявок, и пряла, она всегда сказки сказывала.

– Думаешь, она гадала?

– Нет, предсказывала. Я не знаю, что и как она там делала, но сегодня очень хочу придумать сказку, – Ника сбросила на пол подушки с кроватей, расстелила тёплый плащ. Один. На него другой, третий. – Милости прошу, сестрицы, занимайте место в экспрессе «Мечта».

Девчонки выключили свет и зажгли свечи. Побросав одежду, как попало, они остались только в тоненьких сорочках. Длинные распущенные волосы укрывали их руки и плечи. Берегини затянули песню. Грустную, протяжную, ту, что сотни раз пели на берегу Чернушки.

Ой, уж я бывала девицей,
Ой, я не слыла невестою.
Берегла свою я красоту.
Для одного добра молодца
Ой, не опустила красоты,
Уж во листья, во зеленые;
Ох, не затоптала красоты,
Уж во грязи я, во черныя;
Ох, не опустила красоты,
Уж во речки я, во быстрые.³⁵

– Знаете, чего я не пойму, – вдруг оборвала причет Влада, – Ну, ладно муж, от Мелюзины отказался. Но дети-то её не отыскали почему?

– А вдруг они искали, искали, а найти не смогли. Может она и не хотела, чтобы её нашли, – Ника положила голову на руки и уставилась на свечку. – Так ведь тоже может быть. Они были слабыми волшебниками, они же родились от человека. Вот и не смогли её найти.

– Или узнать.

– Точно. Когда она меняла облик и прилетала к стенам замка, они могли и не узнать её. А скорее всего просто побоялись. Сильные личности всегда вызывают страх у слабых.

– Нет, это она боялась, что её узнают, и детей гонениям подвергнут, потому что время такое было в Европе, страш-

³⁵ Народная обрядовая песня «Причитания невесты»

ное. Инквизиция могла, кого угодно за связи с Навью сжечь. Вот тогда она и подалась сюда. Подальше от родных. Обезопасить их хотела. – Влада перевернулась на спину и заложила руки за голову. – Я видела, так птицы делают. Когда гнездо хищник находит, змея или куница. Они от кладки их уводят за собой. Прикидываются подранками и манят в сторону.

– Никого она не отвлекала от гнезда. Да и они не прятались, – Майя нехотя включилась в разговор. – Они даже гордились родством с драконом. На щитах её изображали.

– Точно. Мы ж тогда читали. Она, к ним на помощь прилетала, только ты откуда это знаешь? Ты ж тогда с урока с ней ушла, не дослушала. Она что тебе сама рассказывала?

– Ну, так, немножко. Я особо не расспрашивала, но мне, кажется, всё дело там в самой Мадам было. Она сама так решила. Сама свою судьбу выбрала.

– А вот интересно, если бы она случайно сейчас с кем-то из потомков своих встретилась, то узнали бы они друг друга или нет?

– Нет, конечно, – глупости всё это. – Как можно узнать кого-то, если не видел никогда.

– А может, и можно. Зов крови, чутьё, интуиция...

– Хватит вам уже! – Майя рассердилась. – Сказки собирались слушать, а не сплетни собирать. Начинай Ника.

– В некотором царстве, в некотором государстве, жил-был царь, и были у него три сына, – Ника, пристально взгляде-

лась в пламя свечи, словно отыскивая там подходящие слова. И слова нашлись, зажурчали, заструились ручейком, унося берегинь далеко-далеко от пещер подводных Кара-дагских, где, кольцами свив своё чешуйчатое тело, дремал древний крылатый змей, где дыханием его раздувались свечи и камни, где тоска его и одиночество обрели новую форму и превратили лабиринты подземных галерей в школу благородных девиц водного происхождения.

Глава 9

Изнанка

С того дня как Егор Гаврилович представил Базилю свою бригаду зодчих, легально и нелегально работающих на лугу у старой мельничной запруды, Кот зачастил туда. Добираться своим ходом было трудно. К водным духам он теперь идти стеснялся. Не ровён час опять на Водяного налетишь. Вот и оставалось только Егора Гавриловича упрашивать, чтоб с собою взял. Дед посмеивался, совал тихонько, чтобы бабушка не видела, хвостатого помощника в мешок и вёз на стройку. Там Базиль, когда в кошачьем теле, а когда и в призрачном излазил все углы и закоулки.

Теперь он знал, как выглядит подвальная, а точнее подводная часть гостевого дома. Для водных духов сотворили три уютных спальни, кабинет Хозяина Чернушки примыкал к одной из них и имел отдельный выход в коридор и в саму речку. Большую же часть подвала занимал зал для торжественных приёмов. Это для него джинн тогда люстру мастерил из пузырчатого дутого стекла. Мурано в интерьерах водников было повсюду. Кареглазые девчонки пери объясняли коту, что все эти вазы или блюда стоят очень дорого и обращаться с ними нужно бережно. Он обходил диковины,

стараясь не задеть пушистым боком. Но как-то раз в Изнанке, не стерпел и взял в руки стекляшку чудную. В глубинах плоской синей чаши таились тени сказочных животных, рыб, искрились россыпи песчинок золотых и словно пузырьки со дна нет-нет, да и проскальзывали в кружеве узора перламутровые капельки. Сколько стоять эта вазочка могла, Базиль не знал. Но вот, что дорого-то дорого. Тут с огненными девами кот был вполне согласен. Даже осколками наверно любоваться можно.

Он загрустил, представив, как девчонки берегини будут фрукты, ягоды на ней раскладывать, когда домой из обучения вернуться. Если, конечно, вернуться. Базиль поставил блюдо на место и поспешил наверх.

Джинны в мастерской уныло разбирали свои печи. Со всем недолго им осталось здесь, в Чернушке, гостевать. Заказ был выполнен, оплата выдана, но духи огня не спешили домой. Ждали праздника.

– Господин Хранитель, примите от нас подарок скромный, – обратился к Базилю один из них. – Это «чашми» – от сглаза бусины. Можно детям на запястье вешать, можно и в косы девушкам вплетать.

В шелковом мешочке на ладони огнивца перекатывались лиловые бусины с глазками на одной стороне. В центре белого кружка чернел зрачок – высматривал дурной глаз недруга. Поблагодарив джинна, Хранитель взял мешочек и спрятал в карман. Ни одной пери в мастерской не было. Теперь, когда

работа в доме кончилась, красавицы и день, и ночь у камня проводили. Что они делали там, кот не спрашивал из деликатности. Раз только застал их там, и то случайно. Сам хотел дружка проведать, подошёл к полянке, а они сидят кружком и словно грезят наяву. Улыбки по нездешней красоте лицам блуждают, а глаза у всех слепые, незрячие. Повернул кот и ушёл на мягких лапках как явился, никем из пери не замеченный.

Было много на Анчуткином лугу и прочих интересных мест. На складах, где лес сушился, можно было байки стариков послушать. У каменотесов о размерах жерновов поспорить. В домике при въезде, что сторожкой все в артели звали, находился штаб. Там у Егора Гавриловича общий план строительства хранился, документы, сметы и другие хитрые бумаги. Здесь Егор Гаврилович обедал, здесь он и кота Ваську кормил. Здесь кот Васька, когда спать ложился, в добра молодца и перекидывался.

Вот и нынче спит котяра. Спит и ухом не ведёт. А следовало бы уже прислушаться.

Реальность

– Василь Василич, вставай, – толкнул меня в бок дедушка, – вставай, давай, где ты бродишь, недосуг искать тебя.

Я открыл один глаз, поглядел на ходики на стенке. До обеда ещё рано, и чего дед ко мне цепляется? Я зажмурился по-

крепче, но он потянул меня за ухо, окончательно сбивая сон.

– Чего тебе? – отозвался я, зевая во всю пасть. – Что за срочность вдруг такая.

– Василина только что звонила. Освящение Лебяжьего сруба состоялось. Вроде всё прошло нормально. Ни она, ни реставраторы её никаких в доме изменений не заметили. И святой отец сказал благое дело делаем, предметы старины спасаем. Подрядчик уж к разборке приступил. Так что закончился застой в работе. Как поставим сруб, будет, где всем заночевать и пообедать. Строить мельницу начнём. А там, глядишь, и остальное вверх поднимется.

Дедушка мне хитро подмигнул и подкрутил ус.

– Что, Василий, скажешь, рад, что Василинка приезжает.

Я повел плечами. Рад, конечно, у меня с ней отношения хорошие, только что ж так суетиться, если она завтра приезжает.

– Да какой там завтра, – дед махнул рукой, – сегодня будет. И мальчишек тоже привезёт. На машине прям из города приедут. Так что лезь в мешок скорей. Нам с тобой бабу Машу предупредить надо, а то, как бы нагоняй не схлопотать, за нерадение.

Сон с меня как рукой сняло. Это ж правда радость какая! Кит с Алёшкой на три дня к нам раньше приезжают. Стоп, а может, и уедут раньше? Я присел перед мешком. Задумался.

– Ну что ты встал опять? Не повезу я тебя в седле. Итак, уж деревенские смеются, что я с тобой как с писаной торбой

ношусь, туда-сюда катаю. Оставайся вон с Трезором в будке. Или здесь если хочешь.

Нет, я не хотел с Трезором, я его всего один то раз и видел здесь. Здоровый кобель вымахал. Сидит на цепи возле склада с техникой. Никого кроме дедушки и Зайца не пускает внутрь. Я ещё тогда так подумал, что видно техника там не абы какая стоит, а волшебная. А с другой стороны, кто их знает дедов этих, что они там прячут, конспираторы.

В мешок я всё же залез и лёг внутри клубочком. Остальное было делом техники. Дед привязал мешок к седлу, махнул рукой артельщикам и поскакал довольно резво в сторону Ольховки. За неделю я уже и к запаху табачному привык, и к тряской рыси мерина заметно приспособился.

Всю дорогу до Ольховки я мечтал, какие игры мы с ребятами затеем. Новый год и Рождество они в Европе встретили. Их мама на каникулы в Стокгольм возила и ещё куда-то. Так что зимней Чёрную Поляну они ещё не видели. Въехав в деревню, дед Карлушу перевёл на шаг. Пару раз сворачивал в какие-то проулки, останавливался, говорил с кем-то. Наконец мы снова выехали в лес. Теперь можно из вещмешка наружу вылезти, решил я и подал деду знак.

– Посиди ещё немного там, – ответил он на моё мяу, – Послушай лучше. Вроде кто-то из лесу зовёт. Не слышишь?

Я не слышал ничего особенного. Птица вроде с дерева на дерево перелетела – слышно, как с сосновых веток снег осыпался. Лосиха где-то вдалеке мычит. А больше ничего. Даже

Лесавок рядом нет.

Дед вытащил меня и посадил перед собой. Не верить мне он, должно быть, стыдился, но своим ушам не верить тоже не мог. По всему видно было, что всполошился он не просто так. Вся его радость будто схлынула куда-то. Замкнулся в себе дедушка. Я тоже не хотел особо языком чесать. Вот так и ехали до дома молча. Возле орешника на выезде из леса он опять остановился. Обернулся. Долго вглядывался и прислушивался к чему-то в лесу. Потом всё же тронул поводья, и Карлуша вынес нас на занесённую снегами луговину. У ворот я спрыгнул вниз и тихонько, огородами пробрался к дому.

Баба Маша возле дедушки в повети хлопотала. Я не стал к ним близко подходить, уселся на крылечке и прищурился. Домовой за стенкой стукнул мне слегка. Дескать, что за спешка, почему вернулись рано. Я потёрся о косяк двери одним боком, развернулся и зашёл с другого края. Домовой сердито фыркнул и, не выдержав, наружу вылез.

– Приезжают нынче внуки лесниковы. На неделю приезжают. Вместе с матерью, – скосил я на него один глаз. Дядька ахнул, бороду в пригоршню сгрёб и давай скороговоркой планы строить. Где как печки протопить надо, откуда пыль повымести, какие полки вытереть. Короче пальцев на руках ему еле-еле хватило, чтоб все дела пометить. Зыркнул на меня бездельника сердито и назад в избу утёк, словно и не было.

Я вздохнул завистливо. Вот так как дядька я не мог сквозь стенки проходить не в Навьем мире, не в реальности. Дождался бабушки и бабушки и только тогда с ними в дом вошёл. Егор Гаврилович в сенях остановился, как будто руки вымыть, а сам вроде опять чего-то слушает. Забеспокоился я не на шутку. Вокруг ног его кручусь волчком, в глаза заглядываю, морок снимаю. Может, помогло, а может, нет, дед мне ничего не сказал, тулуп на вешалку повесил и в комнату к себе пошёл. Я за ним. Нельзя человека в таком расшатанном состоянии нервов одного оставлять. Сели мы за стол, молчим. Я на него гляжу, а он куда-то в сторону.

«Ну, точно обмороченный», – решил я. Не успел я ничего сделать, как бабушка из кухни к нам пришла, и дед обмяк, расслабился. Остаток дня до вечера я за ним следом ходил. Вовсю помочь старался. Дед отшучивался, зря, мол, беспокоишься, котище, но глаза у него всё же были мутные. Словно ждал он чего-то, опасался.

Часов в шесть Василина позвонила. Из Ольховки уже. Сообщила, что на пять минут к Елене Николаевне заскочит в школу и домой поедет. Прошёл час. За окном совсем стемнело. Даже звёзд не видно в небе. Дед опять забеспокоился. Шапку надел, тулуп. И тут за окнами послышался пронзительный автомобильный гудок. Через пять минут в сенях уже толклись, мешали друг другу раздеваться Ижевские и сопровождающие их товарищи.

Василина Егоровна привезла с собой двух молодых кол-

лег.

– Марина, Ангелина, – представила она их. – Специалисты по русскому деревянному зодчеству из Новгородского музея «Витославовичи». Они нам завтра в сборке сруба помогать будут. Говорят, это дело хитрое.

– Да, – заулыбалась пышечка Ангелина, – тут важно помнить, как все детали изначально подогнаны были. Мы весь процесс разборки засняли, так что теперь восстановить легко будет.

– Ну, вот что труженицы, мойте руки и давайте-ка к столу все, скомандовала баба Маня. – Егор Гаврилович, принеси ещё один стул из комнаты.

Вокруг меня всё опять пришло в движение. Я попятился в угол под лестницей, но был настигнут и захвачен в плен Никитой.

– Вася, Васенька, как я соскучился, – мальчик потёрся об меня щекой. – Ты так вырос!

– Да и ты тоже, – промурлыкал я в ответ, надеясь, что в царящей в доме суете никто не обратит на нас внимания.

– Как делишки? – присоединился к нам в углу Алёшка. – Чем займёмся завтра?

Я ответить не успел. Василина взяла за руки сыновей, поздоровалась со мной и, несмотря на их бурные протесты, повела на кухню ужинать. Чтобы за столом всем хватило места, делу пришлось развернуть его и теперь он занимал почти всё пространство и без того небольшой кухни. Баба Маня резала

пирог с капустой. На столе уже красовались мисочки с соленьями, вареньями, картошечка, котлетки, а в центре возвышалась румяная, душистая горка блинов. Блины были ажурные, тоненькие, сочащиеся маслом, как и должно быть ³⁶перед Комоедицей. С началом масленичной недели баба Маня нам такие каждый день печёт, весну в мир зазывает, старается. Но сегодня она превзошла саму себя, и когда только успела приготовить всё?

Ужин затянулся допоздна. Все громко говорили, ещё громче смеялись. Улыбчивая Геля и стеснительная Рина наравне со всеми жаждали меня погладить и потискать, так что к концу застолья я лоснился от обилия вкусняшек и внимания, не меньше блинчиков.

Наконец, решили спать ложиться. Наверху в светёлке устроили гостей и Василину. Мальчиков же спать отправили поближе к печке в дедушкину комнату. Егор Гаврилович раздвинул свой диван. И мы все вместе улеглись на нём. Кит у стенки, потом Лёшка, с краю дедушка. А я лёг поперёк дивана у них в ногах.

– Деда, а мы завтра к мельнице поедем? – спросил Лёшка.

– Завтра, вряд ли. Завтра вам там делать нечего. А вот на проводы зимы пойдёте.

– Так это же в конце недели только. Дед, деда, ну чего ж

³⁶ Комоедица – прародительница Масленицы. Древние славяне поклонялись природе и почитали Солнце-Ярило как божество, дающее жизненные силы всему живому. Поэтому Комоедица была приурочена к весеннему равноденствию. С принятием христианства праздник трансформировался в Масленицу.

так, дедулечка, – принялся канючить Кит. – Мы ведь тоже хотим там помогать.

– Это что ж вы там помогать будете? Брёвна носить? Землю копать? Снег разгрести?

– А что, снег разгрести – это запросто, правда, Лёша?

– Правда.

– Ну, коли, правда, то сначала здесь, во дворе снег разгребите, а уж потом и за мельницу приняться можно.

– Вот всегда вы, взрослые, так. И зачем нас тогда сюда везла? – Никита сел, обхватил руками укутанные в одело колени и надулся. Я протянулся и слегка царапнул его.

– Нет, Вась, не уговаривай. Они всегда так делают. Если, что-то интересное случается, то нам туда никак нельзя. Мы же ещё маленькие. А как какую-то тяжёлую работу сделать, то это запросто. Мы же уже большие.

– Можешь ничего не делать, – сказал дед. – Овинник и сам справится. Но ему будет приятно, если ты придешь ему помочь. А на стройке вам и, правда, делать нечего. Там будет много чужих глаз, поэтому никто из духов всё равно не явится.

Дед лукавил. навники, конечно же, все будут в сборе, но мальчишкам там и правда делать нечего, поэтому я поддержал его версию.

– Это точно. Водяным духам зимой из Чернушки лень наружу выходить. Лесовики все в берлогах греются. А Усадебных там и пока вовсе нет. Домов же не построили.

Кит недоверчиво уставился на меня.

– И что там нет ни одного, ни единого, даже самого маленького духа?

– Есть, конечно, – начал я судорожно придумывать, как бы теперь выкрутиться и не соврать. Дед выразительно закашлялся. – Огневики есть. Они в углях костра живут. Но они к людям-то не выходят. У них правило такое. Техника безопасности строгая очень.

Теперь уже и Лёшка сел на диване. Его карие, пытливые глаза, светились явным интересом. Он почувствовал подвох. Я поспешил перевести разговор в безопасное русло.

– Егор Гаврилович, а мне завтра с утра лосиную кормушку проверять? Или лучше днём, когда в лесу теплее станет.

– Днём, Вась, после обеда. Если сможешь, то коры осино-вой подсыпь. Я им нарубил вчера. А уж веток ивовых потом я сам отвезу, как время будет, – подхватил дедушка. – Ты ж ведь сможешь десять килограммов отнести в Изнанке-то?

– Он и больше может, – фыркнул Кит. – Он же меня от Бабы Яги в том году нёс. А я больше десяти килограммов вешу.

– Это точно. Тяжеленный ты уже тогда был. А сейчас, наверное, ещё прибавил в весе.

– Так немножко. Я же спортом теперь каждый день занимаюсь. Через день, то плаванье, то дзюдо. У меня теперь, видишь, какой пресс. – Кит задрал майку на пузе и напрягся. Я изобразил огромный интерес, но Лёшка вновь вернул нас

к теме духов.

– Огневики, они какие? Маленькие или большие?

– Они могут быть и большими, и маленькими, и добрыми, и злыми, – пришёл мне дедушка на помощь. – Это самые непостоянные и опасные духи в мире. Потому так много народов в древности им поклонялось. До сих пор в каждом из нас есть тяга к живому огню. Через пламя костра или огонь свечи мы обращаемся и к прошлому, и к будущему. В каждом добром доме есть свой огневик. Но сегодня мы с вами его тревожить не будем. Он своей работой занят, дом наш от морозной стужи бережёт.

Кит, разинув рот, смотрел на дедушку. До сих пор ему не приходило в голову, что в доме кроме усадебных ещё какие-то духи живут, и теперь он приготовился засыпать нас бесчисленным количеством вопросов. Я прикрыл глаза.

– Вы чего не спите? – дверь неслышно отворила Василина. Лёшка тут же бухнулся обратно. Кит ещё пытался оказать сопротивление, но мама уложила и его, укутала получше и велела спать

– Завтра у всех много дел, – сказала она. – И у вас тоже. Уроков в школе никто не отменял. Так что первым делом вы садитесь за учебники.

– А потом мы можно с Васей в лес пойдём? Кормушки проверять, – с надеждой спросил Кит. – Овинник без нас справится, дедушка сказал.

– Ну, если дедушка сказал, то, конечно, справится, – Ва-

сила чмокнула сына в вихрастую макушку. Пожелала всем спокойной ночи и ушла.

Я послушно выполнил её команду и тут же уснул.

Глава 10

Изнанка

Майя проснулась в темноте и долго не могла понять, где она. Обрывки сна путались с воспоминаниями, но когда в голове прояснилось, берегиня подскочила радостно на подушках.

– Сон в руку, сон в руку, – зашептала она и крепко зажмурилась. Во сне Майя шла вдоль лесного ручья, тёплый ветерок играл ветками ив и берез. Под корнями кое-где ещё лежал снег, но весенняя молодая травка уже упорно пробивалась наружу. На прогалинах пестрели первоцветы. Над лесом разливался разноголосый птичий хор.

Берегиня попыталась вспомнить основной мотив птичьей песни, вышло не очень хорошо, и она прыснула от смеха.

– Майя, ты чего? – Влада подняла с подушки голову.

– Ничего, сестрица, хорошо всё. Весна близко.

– Это очень хорошо, но если она не собирается начать – прямо сейчас, давайте всё-таки поспим ещё полчаса, – проворчала Ника, перебираясь вместе со своей подушкой на кровать.

– До подъёма всего ничего осталось. Я уже ложиться не буду, почитаю чуть-чуть. А вы спите, если хочется. – Майя

отыскала ощупью огарок свечки и зажгла его. Жёлтый огонёк осветил разгром, царящий в спальне. Влада принялась раскладывать подушки, одеяла, подняла с пола плащи.

– Знаете, мне кажется, что часть вещей уже можно упаковывать для отправки домой, – Влада подобрала с пола форменную юбку Майи.

– Упакуйте и меня заодно, – Ника укуталась в одеяло с головой.

– Вставай, лежебока. Тебя то не уложишь, то не поднимешь.

– Ну и не возись со мной зря.

Влада под села к Майе. Заглянула через плечо в книжку.

– Что ты там пытаешься найти?

– Ничего конкретного. Все подряд параграфы просматриваю. В каждом есть какой-нибудь ингредиент, который я не могу себе в деталях представить. Выписываю, чтобы потом посмотреть, потрогать в классе. Я без тактильных ощущений их плохо воспроизвожу.

Влада задрала брови. Её симпатичная мордашка выражала удивление и озабоченность одновременно.

– А зачем ты учебник просматриваешь? Возьми энциклопедию. Там же сразу описание даётся. Способы использования. Картинки с разных сторон.

– Майя, не слушай её. Делай, что хочешь. Тебя теперь всё равно домой отправят. Даже если ты совсем в класс не придёшь. И нас с тобой вместе, – голос Ники звучал из-под оде-

яла приглушенно, но очень уверенно. – Ты же сама сказала, что тётя Мелюзина больше не позволит тебе своей школе вредить. Так что зря вы всё это штудируете.

– Не слушай, её, – Влада принесла Майе увесистый том морской энциклопедии. – Читай. Дома то у нас такой нет, да и вряд ли будет когда. Я себе много интересного выписала.

– Ну и что ты будешь делать с этими записками у нас в Чернушке? – Ника села на постели. Настроение у неё было не самое радостное. – Полгода мучений, а чего ради?

Ей никто не ответил. Майя уткнулась в книгу. Влада вновь принялась наводить порядок. Радость нового дня поблекла, словно от тумана, поднимающегося от воды на заре.

«Ничего», – думала Майя, – «Полгода – это не вся жизнь. Вернусь домой и не вспомню больше. Главное экзамен сдать».

Наконец темнота в комнате стала бледнеть. В неясном предрассветном сумраке обрисовались очертания предметов, на которые не падал свет от свечи. Пора было собираться на рассветную песню. Майя отложила увесистый том.

Молча и почти бесшумно, словно бесплотные тени берегини оделись, расчесали быстро волосы и выскользнули за дверь. Из всех дортуаров так же тихо появлялись другие ученицы. И рассвет подкрадывался к ним, наступал на пятки, заставляя поторопиться в грот утренней зори. Солнце вот-вот должно было встать над морем.

Берегини вошли в класс, заняли свои места. Майя встре-

тилась взглядом с тётушкой. Песня началась. Она была легкой, почти невесомой. Чтобы расслышать её, нужно было склониться к самой поверхности воды или приложить к уху ракушку. Медленно разгораясь, окрашиваясь в новые цвета и эмоции, она захватывала всё больше и больше учениц, отражаясь ликованием жизни и любви на их лицах. Влада отыскивала ладошки, стоящих рядом подруг и сжала их. Захотелось броситься в круг и вращаться, раскачиваться так, словно это в своём родном хороводе поют они посреди Чернушки, а не в далёком гроте на берегу Чёрного же, но такого чужого, моря.

Майя не заметила, как последние звуки песни замерли, как постепенно в пустеющем классе разливался солнечный свет, отмечая стрелкой солнечных часов начало нового дня.

– Давайте уже пойдём, – потянула подруг к выходу Ника. – Заплетаться ещё надо. И вообще.

«Вообще» заключалось в том, что последние ученицы, оставшиеся в гроте после рассветной, на весь день становились дежурными. Они помогали тритонам в трапезионе накрывать столы, выполняли поручения учителей и классных дам. Так водяных дев приучали к осторожности. Ночь, время относительного покоя и безопасности, закончилась, и они должны быть всегда начеку, чтобы успеть вовремя исчезнуть в морской глубине и не попасться на глаза рыбакам или праздным гулякам.

Берегини успели. Двери за их спинами сомкнулись с лёг-

ким шорохом, отставляя в гроте тех, кто сегодня будет отбывать трудовую повинность. Этот шорох наполнил сердце Майи ещё большим ликованием. Они спаслись, ускользнули! Расцеловав подруг, она, пританцовывая, побежала по коридору к спальням.

– Совсем с ума сошла. Ты так не находишь? – Ника проводила её взглядом. Влада покачала головой.

– Просто она влюбилась.

– Ну, это мы давно знаем.

Влада ничего не ответила и, склонив голову, пошла следом за исчезнувшей за поворотом подругой.

Реальность

– Вася, проснись, проснись уже, – дедушка тормозил меня, призывая в Явь. Я открыл глаза. На чердаке жалобно задребезжала, упавшая из моих рук гитара. Жалко инструмент. Он и без того старый, если разобьётся, кто мне другой даст.

– Ты чего это творишь, Егор Гаврилович, – возмутился я. – Не мог тихонько позвать, чтоб я без спешки вышел. А так насмарку все мои труды. Полчаса её настраивал, налаживал, а ты дёргаешь, мешаешь. Никакого от тебя сочувствия и понимания. Сколько раз тебе говорил, инструмент у меня хрупкий, старый. Её ронять нельзя, она не то, что расстроится, рассыпаться может.

– Ну, прости меня, Вась, ладно. Непокойно мне, чего-то, маятно, – дед смотрел на меня с грустью и недоумением. – Почти всю ночь не спал, слушал. Вот мерещится мне, будто зовёт кто из лесу. Сходил бы ты, глянул окрест.

– Так тем более чего будить было. Мне в Изнанке сподручней по сугробам лазить. А так, ну куда я пойду? Сам подумай.

– Нечего тут думать. Если ты не пойдёшь, мне придётся. Василине скажешь, что я обход решил сделать с утра пораньше. К мельнице пускай без меня едут, я попозже присоединюсь. За старшего там Артемий остался. Если, что со мной случится, то и в лесничестве ему старшим быть. Ты ему, Вася, перечить не смей.

Я чихнул. Вот это ж надо, новости какие. Где я, а где Артемий Заяц.

– И вот ещё, что ты с мальчишками в лес не ходи.

– Я с тобой поеду, – хмуро буркнул я. – вдвоём сподручнее. Ты ж ведь ещё вчера в лесу услышал их. Или его?

– Их, – кивнул хмуро дед, – А ты, значит, не слышишь ничего?

Я покрутил головой. Ничего я не слышал, не видел и не чувствовал ни в Яви, ни в Нави. Специально ночью на опушку ходил к тому орешнику, где дед чуть с дороги не съехал.

– Завтракать не будем? – спрыгнул я на пол и потянулся, выгибая спину и хвост.

– Нет. Надеюсь, вернуться, пока все остальные спят.

– Что и бабушка спит? Сколько ж времени сейчас? – я с тоской глянул на часы. Стрелки замерли на половине шестого.

– Это я остановил, – ответил дед на мой недоумённый взгляд. – Чтобы боем никого не разбудили. Ну и если что, знать будут, когда мы ушли.

– Ладно, – согласился я.

Дед надел тулуп, обулся, отворил мне дверь и вышел следом. Небо потускнело. Воздух был сырым, в нём явно чувствовалось приближение весны, но весны не звонкой, радостной, полной щебета птиц и весёлой капли, а какой-то тягостной, грязной.

Карлуша стоял у повети уже под седлом. Я потёрся мордой о перила крыльца, обновляя метку. Пусть все знают, кто в доме хозяин. Дедушка поправил подпругу, одним махом вскочил в седло и повёл мерина к воротам. У открытой калитки нас ждал дворовый дух.

– С добрым утром, дядюшка, – кивнул я ему.

– И тебе, Хранитель, доброго пути, – ответил Овинник, подсаживая меня в седло к деду. – Не гуляйте долго, к вечеру снег пойдёт, похолодает.

Я взглянул на Егора Гавриловича. Лесник был хмур и сосредоточен. Если всё так, как он говорит, то может зря мы вот так без подготовки едем. Может, надо было охранных амулетов наплести, в Изнанку выйти и во всей экипировке встретить врага. Хотя какой там может быть враг? Места во-

круг тихие, спокойные. навники людей не пугают, да и люди им не вредят умышленно, так что обид кровных никто ни на кого не держит.

– А ты хоть знаешь, куда ехать надо? Направление? Предположение?

Егор Гаврилович покачал головой.

– Куда потянет, туда и поеду. На Карлушу этот морок тоже не действует, не чувствует беды мой верный конь. На одного тебя надежда. Упреди, если что.

Другой раз я бы может и заважничал, но дед был очень озабочен, и мне передалось его настроение. Я решил держать ухо востро и непременно изобличить злодея, который дедушку изводит.

Мы въехали в тёмный лес. Остановились и прислушались. Уж не знаю, что слышал Карлуша, а я даже дыхание белки в дупле разобрал, так напрягся. Но все эти, потрескивания и вздохи вокруг были свои, родные, лесные. Ничего пугающего, ничего странного я опять в лесу не видел и не слышал.

– Ну, что?

– Ничего?

– Может, почудилось? Приснилось?

Дед опять качнул головой. Тронул пятками бока мерина. Карлуша неспешно потрусил по дороге. Мы опять замолчали, прислушались, медленно, но верно углубляясь в лес.

– Может Лешего позвать? – предложил я. – Спросим, не его ли шалости.

– Не его. Чего ему со мной играть? Не Леший это был.

Минут десять мы ехали молча. Дед хмурился всё больше и больше. Было совершенно ясно, что затея наша бестолковая, не найдём мы никого. Зря только из тёплого дома выбрались, сидели бы сейчас у печки и в ус не дули. Я уже хотел Егору Гавриловичу сказать, чтоб разворачивал, как он вздохнул и предложил сам.

– Ничего не получается. Пропал морок. Давай для очистки совести к кормушке съездим и назад повернём.

Я не возражал, и вскоре дед свернул с дороги на тропинку. Деревья подступили вплотную. Колючие ветви заснеженных елей, почти касались колен дедушки, словно тянулись к нам. Уберечь хотели или навредить, кто их знает. Поёжившись, я опять прислушался и поглядел вокруг через Изнанку. Ничего. Только мыши под снегом шуршат. Целый выводок.

Ельник расступился. На небольшой поляне столбик. К нему привязан изрядно объеденный стожок клеверного сена. Снег вокруг утрамбован копытами лосей. Рядом долбленка для твёрдых кормов. Дед остановил Карлушу на опушке. Я спрыгнул, чтоб не мешать, пошёл по крепкому снежному насту вдоль самых деревьев вокруг полянки. Подобрался к лосиной тропе с другой стороны кормушки. Судя по запаху, лосиха с прошлогодним телёнком совсем недавно отсюда ушла. Может даже это мы её спугнули. Хотя нет, я бы услышал их. Значит раньше.

Дедушка снял со спины Карлуши мешок с запаренным

молотым овсом, вывалил его в кормушку. Тоже посмотрел на следы. Кроме сохатых к кормушке регулярно навевались зайцы, белки. Но лоси были нашей главной заботой. Их на территории заповедника всего-то голов десять, и дед за каждого из них перед начальством своей головой отвечает. За сутки взрослый лось съедает зимой до пятнадцати килограмм веток и коры с деревьев. Трудно удержать их зимой в заповеднике. Если не подкармливать, могут сняться с места и уйти на неохраемую территорию искать корм. Вот мы и разносим по лесу им гостинцы. К этой кормушке почти всегда я хожу. А на ту, что подальше Егор Гаврилович сам ездит.

– Вроде спокойно всё, – сказал я, вернувшись к Карлуше. – Мне теперь, что с ребятами сюда днём коры рубленной принести или соли?

– Лучше б вы вообще дома сидели. Придумай им занятие другое, если сможешь. Ну, а если не удержишь, то неси что хочешь. Что проще будет взять, то и неси.

Дедушка подобрал меня с земли, засунул за пазуху и совсем уж собрался сесть верхом. Как вдруг что-то кольнуло меня прямо в сердце. Острая игла проворачивалась внутри, скручивая внутренности узлом. Я взвыл и выпустил когти. Должно быть, деду сильно досталось, так как от тоже закричал и начал громко браниться. Поток бранных слов извергался из Егора Гавриловича так, как я отродясь ни от кого не слыхивал. Вдобавок дед, уже сидя в седле, развязал мешочек с крупной солью и принялся разбрасывать её вокруг

себя. Боль отступила. Я часто дышал, даже язык высунул, как собака. Постепенно мои глаза вновь обрели способность видеть.

«Что за чёрт? Откуда и кто наслал на меня порчу? И почему на меня, не на деда? Ведь его же заманивали?» – мелькали в голове обрывки мыслей.

Егор Гаврилович придерживал меня, чтоб я не выскочил или не выпал из-за отворота тулупа. Другой рукой он направлял Карлушу к тропе, чтоб обратиться с поляны скорей.

– Нельзя в лес, – вдруг понял я. – Стой, дедушка!

Он натянул поводья. И тут уж мы услышали оба. Тихий шелестящий не то стон, не то зов. Они просили пить. Пить и есть. Жалобно так, как дети малые и звали, манили к себе.

Я зашипел, зафыркал. В Нави, я был бы уже во всеоружии, а тут у меня всего и было то в распоряжении – зубы и когти. Но даже так я вполне мог за себя постоять. Потому что заморозить меня было очень и очень не просто. Егор Гаврилович же такой устойчивостью к гипнозу не обладал. Так что теперь я его должен был держать и вытаскивать. Недолго думая, я снова выпустил когти. Болевой приём сработал. Дед очнулся.

– Ах, ты бесово отродье! – заорал он то ли на меня, то ли на того, кто звал нас из чащи – Не на того напали, я вам сейчас покажу, где раки зимуют.

Он раздул щёки, сунул два пальца в рот и свистнул каким-то особым разбойничьим посвистом. Воздух задрожал

вокруг. В светлеющее утреннее небо поднялась с громким карканьем пара ворон. Чёрнокрылые лесные разбойники принялись кружить над нами, а к ним слетались со всех сторон их пернатые сородичи. Вскоре уже целая стая ворон, сорок и галок летала над нами, а дед всё вглядывался и вглядывался, словно искал, кого-то особенного. Наконец откуда-то из-за туч вынырнул здоровенный, отливающий синевой чёрный ворон. Лично я бы предпочёл с таким разбойником не связываться, уж очень у него вызывающе блестели глаза и громко щёлкал острый клюв. Но дед Егор протянул к птице руку, и ворон спикировал ему на запястье.

– Привет, старый дед, – прокаркал предводитель пернатых.

– Здравствуй, Корво, выручай. Шалит со мной в лесу кто-то, а кто не пойму. Последите-ка за нами, пока до дому не доедем. Вдруг хоть вы этого шутника заметите.

Ворон удивлённо покрутил головой. Провёл со скрипом клювом по перьям, расправляя лишь ему заметные неровности в своей отливающей сталью броне.

– С тебя гостинец, Лесник. Просто так не работаем, – прокаркал он взлетая.

Через пару минут воздух вокруг наполнился шорохом крыльев. Банда Корвина рассредоточилась вокруг поляны, разлетелась по лесу, сам же предводитель принялся кружить над нами, словно маленький чёрный курсор.

– Ну что ж теперь поехали, – сказал дед и направил Кар-

лушу к тропинке.

Ёлки словно расступились, отошли в стороны и уже не так сильно цепляли нас своими когтистыми лапами. Наш шутник больше не показывался. Видно, ретировался перед превосходящими силами противника. Залёг в засаде. Но теперь я точно знал, на что он способен и терять бдительность не собирался. Всю дорогу домой я глядел в Изнанку. Сканировал каждый куст, каждый сугроб. Но всё без толку. Не принёс результатов и пернатый дозор. Птичья стая разлетелась по своим делам, как только мы подъехали к воротам. Корвин спустился к нам и сел на забор.

– Ничего, – прокаркал он, – ничего Лесник. Но если хочешь, мы ещё последим.

– Последите, – ответил дед. – Где найти днём знаешь. Не обижу, отблагодарю.

Ворон кивнул, каркнул и взмыл к облакам. Мы спешили. Дедушка расседлал Карлушу, обтер и поставил в стойло. Мы вошли в дом. Когда Егор Гаврилович снял тулуп, стало ясно, что наше приключение сохранить в тайне вряд ли удастся, рубаха и свитер на груди его имели удручающий вид. Оглядев прорехи и пятна запёкшейся крови, дед вздохнул, скинул и эту одежду обмыл исцарапанную грудь и пошёл искать антисептик.

Я сидел в углу у двери и обдумывал случившееся.

– Хорош Хранитель, – проворчал Домовой, неуловимо появляясь возле брошенной на лавке дедовой одежды, – нечего

сказать, хорош.

Дядька был прав. В сегодняшнем походе я сыграл весьма незавидную роль. Не то, что охранить хозяина не смог от беды, так ещё с сам едва не погиб. Нет, про погибель-то, это, пожалуй, перебор, но вот бит был и напуган я был изрядно. Я вздохнул и поплёлся за дедом в кухню. Он поливал царапины перекисью, она шипела и пузырилась. Дед тоже шипел и морщился. Я принял покаянный вид и сочувственно вздохнул, чем рассердил его ещё больше. Егор Гаврилович закрыл пузырёк, убрал в шкафчик и решительно зашагал в комнату, чтобы запустить часы. Утро вступало в свои права, всем нам пора было браться за дела. Бабушке доить Милку, кормить уток и кур. Василине и её реставраторшам отправляться вместе с дедом на стройку.

– Дед, а мне что теперь делать? – позвал я робко хозяина.

Егор Гаврилович промолчал. Он перебирал в шкафу вещи. Наконец вытащив новую рубашку и свитер, дедушка соизволил ответить мне.

– Нам с тобой надо понять, с чем мы имеем дело. Если это упыри, то в дом они войдут только, если мы их сами пригласим. Так что никого в дом не пускать, никого не выпускать – вот твоя стратегия на сегодня. Садись с мальцами за книги, в интернете ищите информацию. Как ты им это задание объяснишь, не знаю, но сделай так, чтоб они и в лес не совались, и даже не пугались. Остальное по обстоятельствам.

Я кивнул. Удивительно, но эти инструкции вселили в ме-

ня уверенность в себе. Я вполне оправился от пережитых волнений и почувствовал зверский голод. В животе заурчало. Дед хмыкнул и пошёл греть чайник. Часы пробили половину седьмого.

– Надо же, как много событий вместил в себя один час, – подумал я, проскальзывая через сени в кухню мимо хмурого дядьки.

Домовой штопал рубашку деда огромной цыганской иглой. Он был мастером в этом деле, но у нас в доме ему не часто приходилось блистать своим талантом. Так что пусть не жалуется, не ворчит. Видно же, как ему нравится стежки один к одному укладывать.

Глава 11

Изнанка

Базиль старательно вглядывался в экран. Вот уже два часа, как они с Никитой искали в Интернете то, не знаю что, но что-то такое, что сильнющим даром гипноза обладает и вдобавок голодное. Лёшка изучал домашнюю библиотеку. Все возможные кандидатуры на роль подозреваемого заносились в общий список. В книги вкладывались закладки, с интернет-ресурсов распечатки делались. Но Базиль чувствовал, что они топчутся на месте. Наконец он объявил перерыв.

– Пойдите-ка вы чаю с блинами попейте, – сказал он ребятам. – Порадуйте Марию Дмитриевну.

– А ты? – удивленно глянул на него Кит. – Ты, что с нами не пойдёшь?

– Я немножко посижу тут, подумаю. Что-то мы не то ищем.

Лёшка встал и потянул брата к двери. Этот новый, повзрослевший Базиль нравился ему ещё больше прежнего. Мальчик с удивлением обнаружил в себе желание слушаться Хранителя, как старшего брата или, может быть, учителя. Когда сегодня кот ушёл в Изнанку, ребята даже не

узнали его сначала. Кит, спустя немного времени, стал как прежде вешаться Хранителю на шею, обниматься, щекотаться, а вот Лёшке всякий раз хотелось обратиться к этому чужому, очень симпатичному парню на Вы. Он с удивлением вспоминал их прошлогодние потешные бои, игры в прятки и другие забавы, и никак не мог себя заставить хотя бы мысленно поспорить с Базилем.

Братья вышли и прикрыли дверь. Кот разложил на столе распечатанные рисунки, изображающие вампиров и упырей всех сортов и размеров. Нет, в лесу были явно не они. С вампиром Хранитель бился прошлым летом и теперь эту нежить он никогда и не с чем не спутает. Зов, который он слышал, был другим. Пронзительный вопль, перевернувший Базилю все внутренности, а затем тоскливый плач, жалобный шёпот, причитание. Так могли вести себя Баньши, но откуда им взяться среди Валдайских лесов. Да и не слышал опять же Хранитель о том, чтобы Баньши на голод жаловались.

Он придвинул к себе стопку книг, просмотренных Лёшкой. Японский bestiary лежал сверху. Кот раскрыл книгу на заложенной странице. С иллюстрации на него глядел раскосый, худющий мужик с отвислым толстым брюхом и кривыми ногами. Гаки – гласила подпись под рисунком, – вечно голодный демон. Согласно буддийским верованиям в Гаки перерождаются после смерти те, кто в прежней жизни обжирался и выбрасывал хорошую еду не доедая. В этой новой

реинкарнации³⁷ их мучает, такой сильный голод, что они могут съесть своих собственных детей.

– Только каннибалов нам и не хватало, – вздохнул Базиль и опять задумался. Ему казалось, что он упускает какую-то очень важную деталь. – Что же там ещё было такого необычного?

– Может тебе стоит рассказать нам всё, что ты там видел и слышал, вслух проговорить. Иногда это помогает найти то, что ищешь, – в дверях комнаты стоял Лёшка. Когда он вошёл Кот не заметил. Вот ведь как задумался. Мальчик подсел к столу с другой стороны. А ещё, я бы на твоём месте к Агриппине Макаровне ходил. Может и она, что-то слышала. И Лешего надо расспросить. А то, что же мы только по вашим с дедушкой словам ориентируемся?

Он был прав, но соваться в лес Базилю больше не хотелось, а никакой связи с Ягой и Лешим у него из дома не было. Не признают они телефонов и раций. Мальчик раскрыл другую книгу.

– Лихо-манка, Манья, Трясуница, Костоломка – привидение в виде злой и безобразной девы: чахлой, заморенной, чувствующей всегдашний голод, иногда даже слепой и безрукой. – прочитал Лёшка. – Есть ещё куча разных названий, а всего Лихо-манок девять или двенадцать крылатых сестер. В некоторых местах говорят и о большем количестве. Такой

³⁷ Реинкарнация – повторное рождение, перевоплощение в новой жизни; также переселение душ.

вариант не подойдёт?

Базиль придвинулся поближе. Лёшка продолжил чтение.

– Одна из них – старшая – повелевает своими сёстрами и посылает их на землю мучить людской род: «тело жечь и знобить, белы кости крушить». И вот ещё смотри, – мальчик ткнул пальцем в середину страницы. – И они чахлые и заморенные – Коровья смерть да Веснянка-Подосенница с сорока сестрами пробегают по селу, старухой в белом саване, кличут на голос.

– Лихо-манки, значит... Ну может и Лихо-манки. – Базиль взял у Лёшки книгу из рук и стал читать статью подробнее. Кроме всего прочего в тексте были указания на то, что Лихо-манок можно наслать. Даже заговор приводился. А вот насчёт изгнания информации не было. – Очень интересно. И откуда же у нас такая книжица в доме? Что-то не припомню, чтобы она мне встречалась раньше.

Книга была старая, потрёпанная. На обложке значилось «Сказки» А.М. Ремизов.

– Она из тех, что мама вчера привезла для музея. Там ещё есть разные: и про ремёсла, и про быт крестьянский.

– Понятно. Вовремя надо сказать Василина Егоровна её привезла. Жаль только, нет никаких упоминаний о том, как извести эту напасть. Но всё равно, спасибо тебе за помощь. Здорово, что ты этот текст нашёл. – Базиль принялся складывать распечатки.

– А что дальше делать будем?

– Дальше я попробую защиту сплести. А вы уроки делать садитесь.

– Может, лучше мы все вместе оберег делать будем? А уроки можно и потом. Там немного. До возвращения мамы мы успеем.

– Ну, так я же на чердак пойду, – сказал Базиль и осёкся. Теперь от ребят точно не отвертеться. Придётся их с собой брать. – Вряд ли бабушка одобрит это.

– А мы ей не скажем. Ты тихонько ей глаза отведёшь, а мы по лестнице поднимемся.

– Нет, я не могу так. Она вас всё равно искать станет. Да и нехорошо это, обманывать её. Мария Дмитриевна, обидеться может.

В комнату вернулся Кит. Он нёс в руках кружку с молоком и блюдец с сырниками.

– Угощайся, Вась, – сказал он, – Здесь всем хватит. Лёша, если хочешь молока, там ещё есть. Только бабушка сказала, чтобы мы не баловались, не шумели здесь. Потому что она вздремнуть хочет полчаса.

– Вот и хорошо, – просиял Лёшка. – Видишь Вася, как всё складывается удачно.

Базиль видел. Он крутил в пальцах тёплый сырник и не знал, что делать. Разве что дядьку попросить помочь.

– Дядюшка Домовой, – позвал он. – Дядюшка Домовой, пойдика сюда.

Домовой не заставил себя долго ждать. Длинная скатерть

на столе шевельнулась и из-под неё показалась лохматая седая голова.

– Чего звали-то? – спросил он ворчливо.

– Здравствуй, Кормилец, – Никита опустилсЯ у стола на корточки. – Сырник будешь?

Домовик смахнул в рукав с блюда подношение и вновь устался на нас.

– Чего звали-то? Ведь не на сырники же?

И тут Базиля озарило.

– Слушай, дядюшка, а ты про Лихо-манок ничего не знаешь? Может, были когда раньше в наших краях? Чего им надо? Как от них избавиться?

– Были. А-то как же. Разные были. А вот как избавиться не скажу. Не по моей это части.

– Жаль. А можешь ты мне из сундука для оберегов материал принести?

Он зыркнул на меня сурово и нырнул под стол. Не успели мы перевести дух, как стол ощутимо вздрогнул, из-под ска-терти вновь появился Домовой. Он пятился и тянул за собой здоровенный, окованный медью сундук Хранителя. Мальчи-ки и кот бросились на помощь.

– Доставайте, что вам надо, да я его обратно отнесу, – До-мовой залез на стол, уселся по-турецки, обхватив коленями чашку с молоком, вытащил из рукава слегка помятый сыр-ник и принялся за трапезу.

Базиль открыл сундук.

– Когда ты наведёшь здесь порядок? – Кит разглядывал россыпь перьев и клубков, прикрывавших остальное имущество Хранителя. Кот не ответил, но уши его запылали. Домовой довольно ухмыльнулся.

– Вот и я его об этом спрашиваю, спрашиваю. Знаете, он что мне отвечает?

Базиль вместе с ребятами устался на Домового.

– Он говорит, завтра, послезавтра. Вот и пожинаем теперь плоды всей этой безответственности и антисанитарии.

– Ты о чём это, Кормилец? – Кит принципиально звал усадебного духа, так же как и мать. Домовому это нравилось, он добрел и хорошел на глазах. Даже включенная обычно борода делалась осанистой и пушистой.

– А о том, Никитушка, что Лихорадки, Лихо-манки и другие Лиха³⁸ Одноглазые от того и поселяются в доме, что в углах пыль, в печке копать, в вещах бардак.

– Так оно же не в доме, а в лесу вроде, – робко возразил Лёшка.

– Конечно в лесу! – с жаром поддержал его Базиль, – И ещё неизвестно, Лихо это или нет. А у меня тут не бардак. А рабочий беспорядок. Я всё знаю, где что лежит. Вот смотри.

Кот вытащил из сундука свои тетради с записями из школы. В ней с лета лежали, высушенные листочки и травинки потайных трав. Потом он выудил огниво и свечу, выбрал па-

³⁸ Лихо – в восточнославянской мифологии персонифицированное воплощение злой доли.

ру клубков, десяток перьев.

– Двигайся, давай, – скомандовал он дядьке, раскладывая свой инвентарь на столе.

Домовой утёр усы. Спрыгнул вниз. Захлопнул крышку сундука и, ухватив его за ручку, вмиг исчез.

– А ты всё достал, что надо? – усомнился Лёшка, глядя на нехитрые приспособления кота. – Из этого точно можно оберег сделать?

– Можно. В нашем случае важно не столько из чего, сколько как.

Базиль открыл тетрадь и, аккуратно перелистывая странички, отыскал защитный заговор. Затем зажёл свечу. Выбрал чёрное лохматое перо, скрутил между собой желтую и красную нитки и принялся наматывать их на перо, приговаривая в полголоса.

– Семаргл-Огнебог³⁹, ты для всех наших Богов Бог, ты всем людям огонь даешь. Как ты можешь жечь и палить чащобы и трущобы, в поле травы да муравы, так и спали ты, Огнебожич, морок тягостный, прогони ты Манок лихих, нашли светлый жар на них. Так было, так есть, и так всегда будет. С сего дня и от круга до круга.

На последних словах заговора Хранитель завязал затейливым узлом нитку и поднёс куколь к свече. Заговорённое пёрышко вспыхнуло и сгорело без дыма и копоти. Семаргл

³⁹ Семаргл – сын славянского бога Сварога, бог огня, охранитель семян для посева.

принял жертву. Этот бог любил Хранителя и всегда отзывался без промедления.

– Теперь будем для дома защиту плести, – сказал Базиль притихшим мальчикам. – Берите по три светлых пёрышка и соединяйте крест на крест. Два покороче крыльями будут, третье длинное – хвост.

Базиль дождался, когда Лёшка с Никитой сложат пёрышки так, как он показывал. Отломил от свечки кусочки подтаявшего воска и скрепил перья им как пластилином. Потом отрезал каждому по две нитки и велел скрутить их между собой. Получился яркий витой шнурок.

– А теперь я буду заговор читать, а вы смотрите, как я обвязывать буду берегиньку, и тоже так делайте. В конце узелочек вяжем с петелькой, чтоб повесить птичку. Готовы?

Ребята закивали. Базиль выждал пару секунд и завёл другой заговор.

– На море широком, на океане далеком стоит остров Буйан, а на нем терем яр. В тереме том стоит Богиня Мать, книгу читает голубиную, а сама проговаривает: от веретника да веретеницы, от колдуна да колдуницы, от завистника да завистницы, от ненавистника да ненавистницы, от часу худого, от глазу злого берегите птицы белые, берегите птицы жёлтые, берегите птицы красные дом Ижевских и всех его жителей. Доколь птицам в окнах кружить никто не будет им лихалстить, зла творить. Что сказано, то будет. Так было, есть и будет всегда. Слово моё крепко.

– Так? – Кит протянул на ладонке маленькую кривобокую птичку с широко открытым клювом. – Получилось?

– Получилось. – Базиль поправил пёрышки у птички Никиты, покрутил в руках оберег Лёшки и одобрительно хмыкнул. – Красиво узелок завязал, молодец, Алексей. Теперь их нужно в окнах повесить. Если Лихо в дом войти попробует, то они пищать начнут. Мы только с вами этот писк услышим. Так что это наши сторожа.

– А окон-то в доме больше, чем птиц, может надо ещё сделать?

– Пока хватит, – Базиль собрал остатки материалов и инструмент со стола, сложил в кошель на поясе. – Давайте здесь одну вместе повесим, а другие вы в кухне и светёлке сами укрепите незаметно. Наши птички робкие, стеснительные, им лишнее внимание ни к чему.

Кот раздвинул плотные портьеры на окне и надел петельку на ручку шпингалета. Птичка качнулась и уставилась в окно. Пернатый страж встал на свой пост.

– Теперь ваша очередь, – Базиль кивнул в сторону двери.

– А ты с нами не пойдёшь?

– Нет я пойду пройдуся. Мне к Овиннику надо и к Баннику. А вам ещё уроки доделывать. Так что поспешите с птичками, – Хранитель подтолкнул их к выходу, вернулся к столу, забрал с него все распечатки и общий список нечисти, который они составили, свернул и сунул в карман. Оглянувшись напоследок на своё кошачье воплощение, мирно дрых-

нущее в уголке у печки, он вышел из комнаты, а потом и из дому. День клонился к вечеру.

– Но если постараться, то ещё многое можно успеть, – решил кот и зашагал к воротам.

Избушку Яги он нашёл на удивление быстро. Лихо-манки его не трогали, не звали его дорогою. То ли заговор работал, то ли просто Кот без Лесника им был не надобен, но добрался он до старой ведьмы безо всяких приключений.

– Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом, – нерешительно произнёс Базиль стандартное приветствие.

Голенастое жилище и без того радовало взгляд Хранителя фасадом. Из распахнутой настежь двери клубами валил сизый дым. Хозяйка явно была дома, и была явно занята. Базиль поднялся по шаткой лесенке и, разгоняя вонючие клубы руками, заглянул вовнутрь.

– День добрый, Агриппина Макаровна, помощь не нужна?

– Не нужна! – крючковатый нос Яги вынырнул из тьмы и упёрся в нос Базиля. От неожиданности Кот взмахнул руками и слетел на землю.

– Ну, чего пришёл, сказывай, – проворчала обладательница носа, появляясь вслед за ним на порожке. Агриппина Макаровна Ягодь – болотная ведьма, некромантка и мало ли кто ещё, была, как видно, не в настроении. Базиль пригладил растрепавшиеся вихры, оправил сюртук и вынул из кармана

свёрнутые бумаги.

– Я к тебе по делу, – начал он.

– Ясное дело! Ко мне все только по делу и шатаются! Без дела, просто так зайти, проведать старуху, это всем недосуг. А как приспичит, так все деловые делаются! Тьфу, на вас!

В избушке что-то громыкнуло, дым повалил ещё гуще и ведьма, чертыхаясь, опять скрылась из глаз. Базиль ждал. Наконец шум в домике стих. Постепенно и клубы дыма рассеялись. Баба Яга выбралась наружу и присела на нижней ступеньке.

– Еле справилась, – отёрла она со лба пот костлявой сморщенной рукой. – Думала, сбежит окаянное. Ан нет, моя взяла. Ну, чего глядишь, глазами хлопаешь. Чего хотел-то?

– Хотел спросить, не слышала ли ты зов на болоте жалобный?

– А ты значит слышал?

Базиль кивнул и выжидающе уставился на Ягу. Старуха вытащила из кармана зеркальце на длинной ручке в лубяной резной оправе. Попыталась рукавом стирать разводы сажи с лица, да только больше вывозилась.

– На, возьми, – Кот подал ей свой платок. Тот, конечно, тоже был не первой свежести, Базиль им пыль на ноутбуке протирал, но по сравнению с лохмотьями Бабы-Яги, лоскуток ткани казался ослепительно белым.

– Спасибо, – буркнула старуха и принялась тереть нос.

– Ты бы баню истопила, что ли. Не сама, так дочек попро-

сила бы, – Хранитель огляделся, – Где они, кстати?

– А на югах. На заработки подались. У нас тут делать нечего лебёдушкам моим. Вот и сажу одна одинёшенька. – Яга подпёрла щёку кулаком, глаза её заволокла слеза, того и гляди заплачет. Базиль решил, что надо заканчивать со всей это внезапной лирикой, откашлялся и снова спросил:

– Так, ты не знаешь, кто в лесу у нас плачет?

– Да ясное дело кто, Вытьянки. Мне ль не знать, как неупокоенные кости плачут. Странно, что их ты слышал. Не к добру это, ой не к добру.

– Так не я один. Дед тоже слышал. Они сначала лишь его манили, звали, а уж потом и я почувствовал, как они к себе зовут, на голод жалуются.

– Так-так, всё начальство, значит, у нас на тот свет представиться решило. Ну, добре, – старуха встала и полезла в избу. – Платок не верну. Себе оставлю. На поминках ваших буду слёзы утирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.